E58—
129

ПАМЯТИ
С. М. КИРОВА

1-й экз. с. фонда

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

Е 58 —
129

ПАМЯТИ
С. М. КИРОВА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1935

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
273352 Г.

273352
V 64493

А. А. ЖДАНОВ

ПУСТЬ ПАМЯТЬ О КИРОВЕ ЖИВЕТ СТОЛЕТИЯ!

Речь на собрании ленинградского актива, посвященном памяти С. М. Кирова, 1 декабря 1935 г.

Товарищи, год тому назад наша коммунистическая партия, ленинградские большевики и рабочие, рабочий класс, колхозники и все трудящиеся нашего великого Советского Союза понесли тяжелейшую неизгладимую утрату. От презренной руки отъявленного злодея, смертельного врага рабочего класса, от руки последыша презренных осколков разбитой партией зиновьевско-каменевско-троцкистской оппозиции погиб выдающийся деятель нашей партии, вдохновенный трибун, неустрашимый революционер, чье огненное слово глубоко проникало в сердца трудящихся, чье имя повергало в трепет врагов рабочего класса, — погиб любимый руководитель ленинградских большевиков, рабочих и трудящихся — тов. Сергей Миронович Киров.

Смерть его потрясла до глубины, до основания всю нашу страну и всех трудящихся за рубежами нашего Советского Союза, всех истинных друзей социализма. Она лишний раз подчеркнула всю гнусность и презренность, все подлое ничтожество врагов социализма, осмелившихся поднять свою злодейскую руку на одного из самых лучших сынов нашей партии. Мы

шлем тройное проклятие иудам, убийцам Сергея Мироновича Кирова, их вдохновителям и пособникам.

Прошу почтить память Сергея Мироновича вставанием. (Все встают, оркестр исполняет траурный марш.)

Жизнь Сергея Мироновича оборвалась в момент расцвета его сил, его исключительных способностей, его кипучей деятельности. Сын народа, прошедший вместе с народом великий путь борьбы за социализм, за освобождение трудящихся из-под гнета царизма и капитализма, испытавший царские тюрьмы и застенки, тов. Киров рос вместе с народом и, выпестованный великой партией Ленина—Сталина, стал в первые ряды борцов и строителей социалистического государства. Он был в самой передовой шеренге руководителей победоносной социалистической революции в нашей стране.

Тов. Киров был замечательным человеком. Он воплотил в себе лучшие качества большевика ленинца-сталинца.

Он, как истый ленинец, помнящий великие заветы нашего учителя Ленина о том, что каждый большевик, каждый руководитель должен уметь учить массы, учась у них практическому опыту в их повседневной революционной борьбе, обладал исключительным умением вести массу, учить массу и учиться у нее.

Он, как великий вождь и руководитель, умел организовать и вести массы вперед и вперед под лозунгами нашей партии, под лозунгами коммунизма.

Сергей Миронович в совершенстве обладал искусством сплачивать и организовывать людей вокруг знамени партии. Его справедливо назвали трибуном партии, трибуном нашего великого народа. Он, как немногие, умел вдохновлять, зажигать и двигать массы в бой.

Он впитывал в себя революционный порыв и энергию масс, их волю к действию, перерабатывал в своей мудрой, прекрасной «лаборатории» — в своем великом мозгу и горячем сердце и возвращал массам обратно эту революционную энергию и энтузиазм в виде огненных каскадов своих речей, выступлений,

статей, указаний, сочетавших в себе практическую мудрость с революционным размахом и перспективой.

В Сергее Мироновиче воплотились блестящие качества большевика, умеющего сочетать мелкие, будничные дела с революционными перспективами, с уменьем видеть завтрашний день нашей борьбы.

Сергей Миронович, как истый ленинец-сталинец, владевший в совершенстве сталинским стилем работы, умел в эти будничные мелкие дела, — шла ли речь о станке, шла ли речь о рабочем клубе, шла ли речь о лесосплаве, шла ли речь о рационализаторском мероприятии и т. д., — вложить революционную страсть и пафос, связать их с борьбой за счастливое будущее всего человечества.

Партия посылала Сергея Мироновича на труднейшие и ответственнейшие участки строительства. И в условиях большевистского подполья, и в дни великой борьбы за власть советов, и после завоевания советской власти, — будь то нелегальная работа в Томске и Владикавказе, будь то кипучая работа по строительству советской власти и борьба с белогвардейской контрреволюцией на Кавказе, в Астрахани, будь то созидательная работа в Баку после разгрома контрреволюционных банд, будь то огромная творческая работа в Ленинграде, — везде, на самых трудных участках, куда партия и Центральный комитет посылали тов. Кирова, он с честью, как настоящий большевик-руководитель, справлялся с делом, порученным партией.

Он дал блестящие образцы применения ленинско-сталинской тактики и стратегии в сложнейших переплетениях классовых сил, в труднейшей обстановке.

Он дал блестящие образцы работы, на которых всем нам надо учиться и на которых надо учить молодежь, надо учить грядущие поколения человечества.

Тов. Киров был направлен Центральным комитетом партии в Ленинград в трудное для ленинградской организации время, когда на нашем пути встали презренные зиновьевцы, пытавшиеся направить ленинградскую организацию против нашей партии, захотевшие заменить борьбу за социализм борьбой за восстановление капитализма, повернуть назад колесо истории, разру-

шить завоевания великой пролетарской революции в СССР.

Под руководством тов. Кирова ленинградская организация в кратчайший срок сумела разгромить презренных врагов партии и народа — зиновьевцев, каменевцев, троцкистов. Он сумел в 1926 г. организовать лучших передовых людей ленинградской организации, собрать их силы, сколотить партийный актив и двинуть массы в бой за великие задачи, поставленные партией перед ленинградской организацией. Сергей Миронович добился того, что ленинградская организация в кратчайший срок преодолела и разгромила контрреволюционную зиновьевщину.

Сергей Миронович во главе организации ринулся в бой за восстановление, за реконструкцию и дальнейшее развитие ленинградской промышленности. Сейчас ленинградская промышленность представляет собою могучее оружие, которое в руках партии помогает всей нашей стране овладевать новой техникой. Ленинградская промышленность является одним из самых передовых отрядов социалистической индустрии, она дает новую технику, дает технические кадры для всей страны. И это есть дело Кирова! Именно он поднял и двинул вперед ленинградскую промышленность, вникая в каждую деталь, в каждую мелочь. Именно он добился того, что ленинградская промышленность заняла то место, которое она занимает сейчас в деле социалистической реконструкции народного хозяйства.

Это под его руководством отсталое, мелкособственническое, крайне некультурное, нищее, дедовское сельское хозяйство Ленинградской области на базе коллективизации пошло вперед: Ленинградская область успешно превращается из потребляющей области в одну из крупных производящих областей Советского Союза.

Кто, как не он, выдвинул лозунг, что мы должны встряхнуть старую неплодородную Кольскую землю, старую тундру, чтобы посмотреть, что там находится. И она засверкала для советской власти, для социалистического строительства огнями своих электро-

станций, своих заводов, засияла огнями своей новой техники. Это он, это Мироныч, — под его руководством ленинградские большевики приобщили дикую, некультурную, голую, пустынную страну к социалистическому строительству.

Он был душой дела во всех областях социалистического строительства в Ленинграде, и не только в Ленинграде. Вся партия знала Мироныча, как одного из признанных, лучших своих руководителей. Киров был источником неисчерпаемой энергии, аккумулятором, дававшим лучистую энергию, большевистскую искру, творческую инициативу, которая воодушевляла массы.

Трижды презренные гады контрреволюции оборвали его жизнь, заставили перестать биться его горячее, его смелое, его прекрасное сердце, его мозг. Эта тяжелейшая утрата показала нам всем, что разбитый на всех фронтах социалистического строительства капитализм цепляется за последние средства борьбы. Убийство Сергея Мироновича показало, как остра еще борьба и как велика должна быть революционная бдительность партии, рабочего класса, всех трудящихся нашей страны.

Сергей Миронович погиб на пороге 1935 г., замечательного новыми великими победами социализма, года, когда по-настоящему развернулась во всей красе та жизнь, за которую так страстно боролся Киров. Как он чувствовал и предвидел этот расцвет социализма! Еще в речи на XVII съезде партии он говорил: «Как хочется жить и жить!»

Врагам рабочего класса не удалось ни на минуту приостановить победоносного движения социализма. Им не удалось посеять смятение в наших рядах. Наша партия является ленинско-сталинской партией, она выкована из большевистского металла, она сильна своей волей, сильна своим руководством, ее ведет наш могучий, мудрый и великий вождь Сталин!

На смерть Сергея Мироновича Кирова вся партия, наша ленинградская организация ответили еще большим сплочением и еще большей организацией своих сил. Наша ленинградская организация хорошо

помнит указание Сергея Мироновича, что самоуспокоенность есть злейший враг большевистской работы.

В ответ на убийство тов. Кирова ленинградская парторганизация, под руководством Центрального комитета партии, под руководством тов. Сталина, нанесла сокрушительный удар по охвостью контрреволюционной зиновьевско-каменевско-троцкистской группы, по белогвардейской нечисти, по остаткам царской челяди, разгромила осиные гнезда контрреволюции. И та проверка партийных рядов, которая происходила и происходит во всей партии, в том числе и в нашей ленинградской организации, которая помогла партии выбросить из своих рядов все враждебные, неустойчивые, колеблющиеся элементы, — эта проверка подняла бдительность нашей организации, укрепила партийное хозяйство. Эта работа должна быть доведена до конца. В наших рядах не может быть места людям, которые точат нож против большевистской партии, против дела социалистического строительства.

Товарищи! Социализм утверждает одну победу за другой. И самым ярким замечательным событием в социалистическом строительстве последних лет является могучее стахановское движение, охватившее всю страну. Стахановский отбойный молоток нанес сокрушительный удар капитализму в коренном вопросе, в вопросе о том, кто создает наивысшую производительность труда — социализм или капитализм. Победы стахановского отбойного молотка имеют всемирно-историческое значение, ибо стахановцы и бусыгинцы на деле доказали, что социализм создает более высокую производительность труда, чем капитализм.

Тов. Сталин в своей прозорливой, мудрой программной речи дал анализ состояния стахановского движения, оценку его величайшего значения, определил наши задачи. Тов. Сталин указал, что стахановское движение таит в себе зерна коммунизма.

Указание тов. Сталина, что стахановское движение представляет из себя основу для будущего коммунистического общества, наполняет всю нашу партию, весь рабочий класс, всех стахановцев, всех передовиков рабочего класса и колхозников гордостью и

беспредельной уверенностью в победе нашего дела, великого дела партии Ленина—Сталина.

Нашему Кирову не удалось дожить до замечательных дней стахановского движения, но он вложил всю свою душу, весь свой талант, все свои силы, чтобы приблизить этот чудесный день, чтобы помочь организовать ту светлую, счастливую, веселую жизнь, которая строится в нашей стране под руководством великого Сталина.

Вдохновляемые светлыми примерами жизни Мироныча, его лучезарным образом, который будет жить века, под водительством мудрого великого вождя тов. Сталина мы пойдем вперед к окончательной победе того дела, за которое боролся и погиб Мироныч!

Пусть память о Кирове живет столетия!

Пусть учится молодежь и грядущие поколения на жизни и работе Сергея Мироновича Кирова!

Дело, за которое боролся Киров, находится в твердых руках нашего героического многомиллионного народа и великого Сталина! (Бурные продолжительные аплодисменты.)

ОБРАЗ ЕГО БУДЕТ ЖИТЬ СТОЛЕТИЯ

Передовая „Правды" от 1 декабря 1935 г.

Год назад перестало биться пламенное сердце Сергея Мироновича Кирова. Пуля, выпущенная рукой коварного и трусливого врага, оборвала героическую жизнь, о которой народы слагают все более чудесные песни. От ученических лет до последней минуты Киров боролся, мыслил, страдал, горел великим огнем социалистической революции. Его жизнь станет лучшим образцом и идеалом для нашей молодежи, — так велика и беззаветна была его любовь к угнетенному человечеству, так сильна и действенна его ненависть к эксплоататорам, так горяча и доходчива его кипучая речь, так обаятельны его вдохновенный взгляд и светлая улыбка.

Проходят немногие годы, и образы буржуазных героев все более тускнеют, память о них поглощает бесследно река времени. Пройдут столетия, но чем дальше, тем ярче будут светить образы героев большевизма. Побеждающий социализм поднимает из небытия сотни миллионов порабощенных капитализмом людей, и возрожденное человечество никогда не забудет Сергея Кирова, который вместе со Сталиным в головной шеренге большевиков строил первое в мире государство пролетариата.

Враг знал, в кого он посылает пулю. Зиновьевско-каменевская сволочь знала, как любит Кирова вся партия, весь рабочий класс, весь советский народ. Наймиты и агенты обреченного класса капиталистов, сами обреченные и выброшенные на мусорную свалку истории, Зиновьев и Каменев подняли руку Николаева и трусливо направили пулю в затылок Сергея Мироновича. Этим актом зиновьевская банда надеялась расстроить большевистские ряды, развинтить и ослабить огромный механизм пролетарской диктатуры.

Слепые гадины просчитались! Крепость и мощь нашей партии и нашего государства нерушимы. Ни на секунду не дрогнули большевистские ряды, ни один винтик нашего механизма не ослабился, ни одна гайка не развинтилась. Ибо советский механизм и все части его отлиты из большевистского металла и закалены сталинской закалкой, которую никогда не одолеет бешеная ярость капиталистов, их агентов, их наймитов, их шпионов и убийц. Контрреволюционным гадинам удалось убить Кирова, но им не удалось и не может удаться убить революцию, свернуть страну и историю с пути большевизма, с пути Ленина—Сталина. Ибо гадина мелка даже в ярости своей, а пролетарская революция несокрушимой силой движет мир к социализму.

Выстрел в Кирова прозвучал для всей нашей страны сигналом к большей зоркости и бдительности.

Выстрел этот вновь и с большой силой показал каждому рабочему и колхознику, до чего бешеным зверем капитализм ринулся в битву со строем побеждающего социализма. Миллионам людей стало и становится до предела ясно, что идет последний жестокий бой между старым и новым миром, и нет в этом бою места мягкосердечию к змеям старого мира, нельзя рассчитывать на то, что змея сама вырвет жало свое. И с помощью миллионов трудящихся советская власть вскрыла немало глубоких нор врага, вырвала немало жал у троцкистских, зиновьевских и прочих белогвардейских гадин.

Эта очистительная работа еще не закончена. Она продолжается и будет доведена до конца. Советский

человек, в котором партия воспитала и воспитывает прекраснейшее чувство пролетарского гуманизма, советский человек после убийства Кирова научается сильней ненавидеть врага и снимать с него личину и еще крепче любить свою родину, свою большевистскую партию, ведущую народ к счастливой жизни.

О ней, об этой жизни мечтал, за нее боролся и ее строил Киров. Дорогой Мироныч! Родина твоя, родина наша, как дивный сад, наливается соками изобилия. Тебе удалось увидеть в жизни только начало нашего расцвета. Но перед твоими глазами — мы это знаем — прекрасным виденьем стоял счастливый сегодняшний и еще более прекрасный завтрашний день родины нашей и всего человечества. Этот чудесный день стоял перед твоими глазами и в годы подполья и в месяцы заточения в царской тюрьме. Чудесный день социализма стоял перед твоими глазами и в годы гражданской войны, когда ты на фронте вооруженной рукой отстаивал право социализма на жизнь и победу. Этот чудесный день ты видел и научал других видеть, — научал в рабочих кружках, на красноармейских собраниях, в горных аулах Кавказа, на нефтяных промыслах Баку, на заводах города Ленина и на всесоюзной трибуне Кремлевского дворца и Красной площади.

Вдохновенная речь твоя, трибуна пролетарской революции, несущего горячее слово Ленина и Сталина в массы народные, принесла прекрасные плоды. Чудесный день пришел. Приходит день, когда нужда, бедность окончательно исчезают с лица земли нашей, уступают место радостной, счастливой, зажиточной жизни. Жить на советской родине стало и становится все лучше, все веселей. Вспаханная великим сталинским плугом земля наша вырастила новых людей — Стаханова и стахановцев, которые начинают побивать капитализм и самым сильным оружием — высокой производительностью труда. Станки социалистических заводов, гул которых ты так любил, паровозы наших железных дорог, тракторы и комбайны на полях переходят на новые, высшие скорости, умножая богатства страны, мощь и величие советской державы.

Великие клятвы у гроба Кирова дала страна устами лучших своих людей. Партия и народ дали клятву итти до конца по тому пути, которым шел Киров, по пути его учителей — Ленина и Сталина. Партия и народ дали клятву еще решительней расправляться с подлыми врагами, метящими свои стрелы в самое сердце революции. Партия и народ дали клятву крепко держать в руках великое знамя коммунизма, на котором горят капли крови Кирова, и донести это знамя до того дня, когда оно будет развеваться над всем миром.

Эти клятвы партия и народ выполняют и будут выполнять верно и нерушимо. Сбываются мечты и желания Кирова. Самым заветным из них были его слова:

«Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, но создана нашими руками. Не пройдет много лет, когда мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма».

Каждый день все более быстрыми шагами приближает нас к этому заветному моменту. Мы уверенно поворачиваем и, вопреки сопротивлению волков и змей капитализма, повернем весь мир на путь коммунизма. Уверенность наша покоится на том, что и точка опоры и рычаг созданы большевиками, что рычаг этот в руках партии, в рядах которой на передовой линии работал, боролся, горел и умер на посту Сергей Миронович Киров. На рычаге этом — рука Сталина и десятки рук непобедимого советского народа.

Вильгельм ПИК

ПЛАМЕННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Год отделяет нас от того ужасного дня, когда наши сердца застыли от горя и боли, от того дня, когда рука подлого убийцы, руководимого классовой ненавистью, вырвала из наших рядов одного из лучших, нашего тов. Кирова. От руки врага — жалкого отребья контрреволюционной своры зиновьевцев-каменевцев — пал человек, посвятивший всю свою жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма.

Враг обдуманно избрал себе свою жертву. Он нанес всему пролетариату глубокую рану. В лице Кирова, горячо любимого миллионами трудящихся, народного трибуна, пламенного интернационалиста, прекрасного, несгибаемого революционера, партия Ленина и Сталина, весь Коммунистический Интернационал понесли невознаградимую утрату.

Однако радость контрреволюции была недолговременной. Фашистско-белогвардейская свора и на этот раз основательно просчиталась.

У гроба тов. Кирова миллионы рабочих и крестьян давали торжественную клятву продолжать то дело, за которое всю свою жизнь неустанно боролся Киров, из-за чего его убил подлый враг.

Три тысячи лучших людей трудового народа, в том числе Стаханов, Кривонос, Бусыгин, Мария Демченко,

дела которых гремят на весь мир, своими выступлениями показали, что в истории великих побед социализма в Советском Союзе открыта новая славная страница.

На VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала представители международного пролетариата на примерах победоносного развития советской революции в Китае, мощного движения единого фронта во Франции, героической, полной жертв борьбы германских коммунистов против фашистской диктатуры — показали, что международный пролетариат победно несет вперед знамя марксизма-ленинизма, под которым всю свою жизнь боролся Киров.

Коммунистический Интернационал, все коммунистические партии повели непримиримую борьбу против агентов классового врага в рядах пролетариата. На тысячах примеров зиновьевско-каменевская свора, троцкизм были разоблачены, как самая подлая агентура буржуазии и ее полицейского аппарата. В Греции троцкисты выступают как провокаторы и шпики, в Италии и Китае они убивают видных деятелей рабочего движения, в Голландии они выступают как штрейкбрехеры, — повсюду троцкисты показывают себя ожесточенными врагами пролетариата.

На процессе о поджоге рейхстага в Лейпциге в качестве одного из главных свидетелей обвинения выступил пресловутый Карване, который своими ложными показаниями против тов. Димитрова рассчитывал подвести его под топор палача. Этот негодяй в свое время в Ганновере был одним из активнейших троцкистов и, будучи на службе у полиции, организовал нападение на местную коммунистическую организацию.

Если в Советском Союзе, благодаря энергичной борьбе партии и мероприятиям государственных органов, контрреволюционные осколки, подонки зиновьевско-троцкистских групп были уничтожены, то в странах буржуазии они еще продолжают свое гнусное дело. Их политической низости и их падению вполне соответствует их теперешняя деятельность — свое главное внимание они направляют на то, чтобы

помешать мирной политике Советского Союза и ослабить волю международного пролетариата в деле защиты Советского Союза. Они открыто выступают сейчас в лагере врагов Советского Союза. Но мало этого. Они являются сейчас союзниками фашизма. Наглядный тому пример дал в последнее время ренегат Дорио. В двух интервью, которые он дал буржуазным реакционным газетам, он требовал разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом и соглашения с фашистской Германией.

Решения VII конгресса Коммунистического Интернационала относительно применения тактики единого фронта и создания антифашистского народного фронта требуют самой решительной борьбы против всех врагов единого фронта, против всех реакционных элементов внутри социал-демократии и против попыток троцкистов, особенно в рядах молодежи, задержать растущую тягу трудящихся масс к единому фронту.

Борьба против фашизма, в особенности гитлеровского фашизма, борьба за сохранение мира, борьба против готовящихся Гитлером военных авантюр, борьба за экономические требования трудящихся масс — вот что является основой пролетарского единого фронта и антифашистского народного фронта.

Вспоминая сегодня нашего тов. Кирова, мы говорим: выше знамя Ленина и Сталина, знамя коммунизма, ведущего человечество к процветанию, свободе и культуре.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ТРИБУНА

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!

В годовщину смерти Сергея Мироновича Кирова так свежо еще чувствуется рана, нанесенная партии его смертью.

Кажется, еще звучит вдохновенное зажигающее и убеждающее слово, кажется, видишь энергичный, полный внутренней силы, жест Кирова, видишь эту замечательную улыбку Мироныча.

Говоря о гибели членов Парижской Коммуны, павших под ударами классового врага, Маркс писал, что мученики Коммуны «воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса, а его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого не в силах будут освободить все молитвы его попов». С. М. Киров, один из славных коммунаров наших дней, воздвиг себе вечный памятник в великом сердце рабочего класса, а его палачи вошли в историю как самая презренная банда, обагрившая руки в крови одного из лучших людей революции.

Теперь прошло уже десять лет с того времени, когда, после смерти В. И. Ленина, зиновьевско-каменевско-троцкистская банда в декабре 1925 г. выступила открыто против ленинской партии на XIV съезде ВКП(б).

Белогвардейские газеты в радости трубили: «Петербург против Москвы!» Они уже предвкушали, им грезились раскол партии, ослабление пролетарской диктатуры, возможность реставрации. В зиновьевско-каменевско-троцкистском блоке враги наши видели самое для них важное: эти люди подрывали пролетарскую диктатуру.

Не надо забывать обстановки того времени. В стране происходила острая классовая борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Партия видела опасность и препятствия, стоящие на пути. «Сейчас происходит огромный рост нашего хозяйства, — говорил тов. Киров, — пробуждаются все спящие силы нашей великой страны. Несомненно, на этом пути мы встретим еще миллион затруднений, которые потребуют от нашей партии огромного напряжения, не меньшего, чем во время военного коммунизма. В такую полосу мы, примерно, вступаем».[1]

Тов. Киров указывал на то, что в руках Советского государства имеются мощные рычаги, с помощью которых оно может изменить экономические отношения, сложившиеся в этот период. И он был безусловно прав, потому что вся последующая политика велась в направлении все более и более широкого, развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы города и деревни. Это социалистическое наступление, связанное с целой системой экономических мероприятий, с реконструкцией сельского хозяйства и промышленности, с мощной индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства, — привели к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Тов. Киров был одним из тех вождей нашей партии, которые это наступление вели с величайшим напряжением сил, со всей непримиримостью к тем, кто стоял на пути нашей партии и прежде всего к зиновьевско-троцкистскому блоку, сложившемуся в 1925—1927 гг. Этот блок перешел к антисоветским выступлениям,

[1] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Гиз, 1926, стр. 366.

к созданию другой партии, к попыткам раскола Коминтерна. Предметом своей самой ярой ненависти зиновьевско-троцкистский блок сделал наш ленинский Центральный комитет и вождя его тов. Сталина.

Оппозиция выработала свою программу, оформилась как самостоятельная подпольная организация со своими центрами, своей печатью.

Тов. Киров высмеивал на XV съезде контрреволюционную платформу — евангелие троцкистско-зиновьевского блока. «Говорят, что в его составлении участвовало не более и не менее как двести оппозиционных евангелистов, и поэтому действительно там сосредоточена вся соль оппозиционной мудрости, хотя количество здесь не находится ни в каком соответствии с идейным качеством!»

Зиновьевцы и троцкисты угрожали расколом партии. Но эти угрозы могли вызвать только смех.

Тов. Киров поставил совершенно определенно вопрос об отсечении зиновьевско-троцкистской контрреволюционной группы.

Отмечая лживые и злобные выступления оппозиции против партии, тов. Киров говорил: «Вот они выходят сюда и со слезой, лживой оппозиционной слезой, говорят о том, как им дорога партия, как им трудно закрыть дверь, выходя из партии, и т. д...» [1]

И в заключение тов. Киров высказал то, что было единодушной мыслью всего съезда:

«На теперешнем XV съезде надо действительно доделать то, что не было доделано на XIV съезде партии: нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твердым и самым беспощадным образом (аплодисменты). Этого ждет наша партия, этого ждет от нас рабочий класс, этого, товарищи, ждет от нас и международный пролетариат... Все то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами — дорога только вперед и только к победам!» [2]

---

[1] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Гиз, 1928, стр. 238.
[2] Там же, стр. 243.

Бурными аплодисментами встретил XV съезд это заявление, и троцкистско-каменевско-зиновьевская группа была на этом съезде исключена из партии как меньшевистская, как ставшая на путь контрреволюции.

Сторонники Зиновьева и Каменева не могли простить и не простили этих выступлений большевику Кирову. Они, выгнанные из партии, писали лживые заявления о раскаянии, учили Каталыновых, Румянцевых, Николаевых и других писать подобные заявления, сами внушая втихомолку своим сторонникам мысль о необходимости кровавой расправы с теми, кто ведет страну нашу, великую нашу социалистическую родину, к полной и окончательной победе коммунизма. Они тщательно замаскировали себя, как ни одна контрреволюционная группа. Двурушничество они превратили в профессию, двурушничество стало для них девизом, заповедью, боевым лозунгом. Они готовы были открыто десятки раз плюнуть на свое прошлое для того, чтобы готовить и привести в исполнение предательский удар против партии. Из арсенала белых эсеров, стрелявших в Ленина, убивших тт. Урицкого и Володарского, взяли они оружие индивидуального террора, направив его против пламенного трибуна большевистской партии, против одного из лучших большевиков. История уже произнесла свой приговор над этими людьми, вошедшими в историю как презренные предатели дела рабочего класса. От их признаний и объяснений, как они дошли до жизни такой, веет гнилью, смердяковщиной. Эти гниль и смердяковщина исходят от остатков тех паразитических, эксплоататорских элементов, исполнителями желаний которых, явились эти подонки.

★ ★ ★

Год прошел с того времени, когда Центральный комитет нашей партии писал в своем прощальном привете:

«Ты был близок всем нам, тов. Киров, как верный друг, любимый товарищ, надежный соратник. До последних дней своей жизни и борьбы мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать

горечь нашей утери. Ты был всегда с нами в годы тяжких боев за торжество социализма в нашей стране, ты был с нами всегда в годы колебаний и трудностей внутри нашей партии, ты пережил с нами все трудности последних лет, и мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла великих побед. Во всей этой борьбе, во всех наших достижениях много твоей доли, много твоей энергии, силы и пламенной любви к делу коммунизма».

Тов. Киров прошел замечательный, яркий путь борьбы. Сибирское подполье, тюрьмы и ссылка; гражданская война на Южном фронте и в Закавказье; героические походы в борьбе против белых, меньшевиков и эсеров. Затем организация советской власти в Азербайджане, руководство одной из лучших организаций партии, воспитанных еще в первую революцию тов. Сталиным в традициях большевизма. И, наконец, руководство старейшей ленинградской организацией. Чуткий и внимательный к массам, прекрасный оратор, верный ученик Ленина—Сталина, непреклонный защитник партии, непримиримый ко всяким уклонистам, он всегда был грозою для оппортунистов, для врагов партии. Он сумел создать глубокое единство партийной организации Ленинграда, сплотив ее вокруг ленинско-сталинского ЦК. Он помог Ленинградской области поднять на высокую ступень ее хозяйство. Под его руководством ожил Север — Мурманск, Хибины. Он горел на этой работе и зажигал других энтузиазмом творческого труда. Его речи на съездах партии, на пленумах ленинградской организации глубоко переживали вместе с С. М. Кировым партийцы и беспартийные, зачарованные силой убежденности оратора. Смех его был для нас жизнеродстным, а для врагов — убийственным. Еще сейчас звучит его саркастический смех над «обозниками» — оппортунистами, когда вместе с ним смеялся XVII съезд партии.

И в памяти нашей сохраняется светлый образ пламенного трибуна большевистской партии, верного солдата пролетарской революции, верного сына Коммунистического Интернационала. Вот он стоит, вдохно-

венный, весь напряженный, в глазах его радость жизни и творческих побед, в каждом жесте его сила и уверенность. И нам, более старым и молодым товарищам, он дает яркий образец мужества, силы, преданности партии. У него есть чему учиться и старому партийцу и молодому комсомольцу. Он вошел в историю как один из замечательнейших руководителей нашей борьбы, каких может воспитать только наша партия — партия Ленина—Сталина.

М. ТУХАЧЕВСКИЙ

ДРУГ КРАСНОЙ АРМИИ

Год прошел с тех пор, как партия понесла тяжелый урон. Подлый убийца, ожесточенный враг социализма, подонок зиновьевско-каменевской контрреволюционной группировки, лишил нашу партию и ее Центральный комитет одного из самых твердых, одного из самых близких соратников тов. Сталина.

Красная армия тяжело перенесла потерю С. М. Кирова. История гражданской войны тесно и неразрывно связана с именем Сергея Мироновича. С его именем связано и строительство Красной армии в мирное время. Баку и Ленинград — вот крупнейшие наши районы, где Киров прилагал все свои силы к тому, чтобы укреплять боеспособность Красной армии, растить ее политико-моральную мощь, преданность партии и рабочему классу, закреплять единоначалие и уровень боевой подготовки. Маневры, ученья, лагери, конференции — все это проходило при постоянном участии Кирова. Работая в Ленинграде, крупнейшем индустриальном центре Союза, Киров свою энергию и свой безграничный авторитет использовал для того, чтобы дать армии самую передовую технику. Артиллерия, танки, военно-морские силы и другие виды вооружений во многом обязаны энергии и организаторскому таланту Кирова.

В период гражданской войны Киров сыграл исклю-

чительную роль, являясь членом Реввоенсовета XI армии. Весной 1919 г., когда над Астраханью нависает угроза падения под натиском превосходных сил интервентов, Сергей Миронович назначается членом Реввоенсовета XI армии. Работа над упорядочением отошедших к Астрахани красноармейских частей, укрепление партийных организаций, упорядочение тыла и связи и, наконец, заботы об укреплении материальной части — вот чем характеризуется деятельность С. М. Кирова.

Когда в начале 1920 г. окрепший Астраханский фронт получает возможность итти на поддержку Кавказского фронта в его борьбе с Деникиным, Киров следует с XI армией на Ставрополь.

Немало блестящих страниц вписала за этот поход XI армия в историю гражданской войны, и громадная заслуга в этом деле выпадает на долю Сергея Мироновича.

Весной 1920 г. Киров подготовляет XI армию к поддержке и освобождению бакинских рабочих от меньшевистского правительства. Эта операция блестяще удается. Она явилась преддверием освобождения всего Закавказья.

Последние годы своей жизни С. М. Киров работает в Ленинграде. Кто не видел его на ученьях по противовоздушной обороне? Спокойно и пристально наблюдал и изучал он работу военных, партийных, заводских и прочих организаций, и на разборах его замечания и выводы всегда имели огромное политическое и практическое значение.

Кто не видел Кирова на строительстве укрепленных районов? Система укреплений и система огня, тактическое решение деталей обороны — все, все привлекало его внимание.

Страна потеряла героическую фигуру, и с этой потерей может примирить лишь героическая работа нашей партии, работа над перестройкой страны под руководством тов. Сталина. Смерть Кирова еще более заострила бдительность и партии и всего рабочего класса. Разоблачена до конца предательская контрреволюционная роль троцкистов и зиновьевцев. Одержи-

вая новые победы, преодолевая новые трудности, мы с еще большей настороженностью следим за лагерем наших классовых врагов и разоблачаем его, несмотря ни на какие маскировки.

Все новые и новые успехи колхозной деревни и нашей промышленности, бурный рост стахановских методов производства, непрерывное укрепление мощи нашей непобедимой Красной армии — вот самый жестокий приговор классовым врагам и самый лучший памятник С. М. Кирову.

П. И. СТРУППЕ
Председатель Ленинградского областного исполнительного комитета

КИРОВСКИЙ ЗАВЕТ

Прошел год с тех пор, как не стало дорогого Сергея Мироновича. Злодей из зиновьевско-каменевской контрреволюционной своры прервал жизнь лучшего большевика — строителя социализма, совершил величайшее преступление против рабочего класса и колхозного крестьянства.

Но враг жестоко просчитался. Его выстрел, принесший великое горе всем трудящимся нашей страны, высоко поднял нашу революционную бдительность, нашу непримиримость в борьбе за чистоту ленинско-сталинской партии, в борьбе со всеми последышами зиновьевско-каменевско-троцкистской банды.

Перед нашими глазами все так же ярко продолжает стоять исключительная фигура большевика тов. Кирова — фигура твердокаменного ленинца-сталинца.

Для всех нас были огромной политической школой многочисленные выступления Сергея Мироновича за генеральную линию партии. Его большевистская прямота и непримиримость по отношению ко всяким уклонам от генеральной линии нашей партии, его кипучая революционная энергия и огромный организаторский талант воодушевляли рабочие массы города Ленина, тесно сплачивали их вокруг партии Ленина — Сталина.

Сергей Миронович своим личным примером учил гореть революционным огнем за порученное дело и в то же время уметь всегда спокойно и трезво анализировать события, со всем хладнокровием продумывать вопросы и доводить каждое дело до конца.

Вспоминается также необычайная скромность Сергея Мироновича, несмотря на все его величие и смелость в решениях.

Разве забудет когда-нибудь история о той колоссальной работе, которую он проделал в Ленинградской области, в особенности на Кольском полуострове, когда он бросил смелый клич: «Надо потрясти как следует эту старую землю, и она откроет нам несметные богатства».

Сергей Миронович учил всех относиться с особым вниманием к недрам Ленинградской области, и благодаря этому у нас были открыты залежи миллионов тонн железной руды, никеля, сланцев, известняков для производства цемента и т. д.

Еще при жизни Сергея Мироновича произошли чудеса на этой почти необитаемой старой земле: там выросли и сейчас продолжают расти мощные гиганты индустрии по переработке апатитов, редких земель, бокситов.

В самое последнее время, по инициативе тов. Сталина и под непосредственным руководством тов. Жданова, там вырастает мощный Североникелевый комбинат, а вместе с ним и новые города Мончетундры. На Баренцовом море, на Ладожском и Онежском озерах, на Финском заливе, на Ильмене, на Псковском и Чудском водоемах, где еще совсем недавно ловили рыбу дедовскими способами, возник механизированный лов, и город Мурманск с Кольским побережьем занимает сейчас первое место в Союзе по снабжению трудящихся рыбными продуктами.

С необычайной силой тов. Киров боролся против всяких проявлений консерватизма, рутины и самоуспокоенности. Ему принадлежит прекрасный большевистский лозунг: «Самоуспокоенность — злейший враг всей нашей работы».

В отношении крайне отсталого сельского хозяйства под руководством тов. Кирова были сделаны большие шаги вперед по превращению Ленинградской области из потребляющей в производящую. Стоит только вспомнить о том, что всего 3—5 лет тому назад в нашу область ввозились миллионы пудов хлеба, а сейчас те районы Ленинградской области, куда ввозился хлеб, сумели сами дать государству 6 млн. пудов товарного хлеба.

Особое внимание Сергей Миронович уделял нашему социалистическому животноводству. При составлении государственного плана развития животноводства Сергей Миронович заставил всех нас выехать на места, чтобы лучше изучить состояние животноводства в Ленинградской области.

Трудности этого года не должны смутить тех, кто работает над дальнейшим развитием сельского хозяйства Ленинградской области, даже на самом далеком Севере, куда по почину Сергея Мироновича было успешно продвинуто сельское хозяйство.

Развертывание мощного стахановского движения не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве будет лучшим памятником пламенному борцу за коммунизм, вечно дорогому и любимому Сергею Мироновичу Кирову.

Укрепляя организационно и хозяйственно, на основе сталинского устава, многочисленные колхозы Ленинградской области, непрерывно улучшая руководство ими, исправляя все имеющиеся в этом деле ошибки, имея такого руководителя как тов. Жданов, — мы еще быстрее пойдем вперед к новым победам, сумеем с честью выполнить кировский завет о превращении Ленинградской области из потребляющей в производящую по всем отраслям нашего сельского хозяйства.

И. И. АЛЕКСЕЕВ
Секретарь Кировского районного комитета ВКП(б) в Ленинграде

ТОВАРИЩ КИРОВ

Год назад в Смольном от трусливой и подлой руки зиновьевско-фашистского агента пал народный вождь, бесстрашный боец революции, лучший трибун большевистской партии, любимейший друг и руководитель ленинградских пролетариев — Сергей Киров. Смерть этого любимца народа снова и снова заставляет сжиматься сердце от боли и беспредельной ненависти к злейшим врагам партии — белогвардейско-зиновьевскому охвостью.

Убит человек, который говорил:

«...Нам с вами засыпать никак нельзя. Такая уж выпала нам обязанность, такая уж навязана историей нам задача, — надо работать, работать и работать. Сколько ни построим — мало для нас; надо поторапливаться дальше, потому что задачи наши далеко выходят за пределы нашей страны.

Мы взялись перевернуть земной шар, и мы это сделаем, товарищи, уверяю вас».

И охваченные единым порывом, все сидящие в зале поднимаются со своих мест и устраивают бурную овацию пламенному трибуну, из чьей груди словно расплавленный металл вылетают эти большевистские, зажигающие слова. Эти слова, сказанные в январе

1934 г. на нарвской райпартконференции, принадлежат Миронычу. Это было последнее выступление Мироныча перед нарвскими большевиками.

Свою непосредственную партийно-руководящую работу я начал под руководством тов. Кирова. На протяжении всех лет общения со всеми нами Сергей Миронович кропотливо учил и воспитывал нас, как надо работать по-большевистски. Большевистски воспитывать и растить людей — великим мастером этого дела был тов. Киров.

Вспоминается время, когда на «Красном путиловце» начали поговаривать об освоении массового выпуска тракторов. Многие путиловцы, и среди них даже большевики, смотрели на трактор, как на обычную машину. Эти люди не видели за этими путиловскими фордзонами политики нашей партии. И в эти времена в путиловских цехах появляется Сергей Миронович. Его большевистский призыв гремит по заводу. Киров ясно предвидел огромную роль трактора.

— Товарищи, поймите, что это не просто трактор — это генеральная линия нашей партии, это революция в деревне, — говорил Мироныч.

Он воспитывал большевистскую убежденность не только в каждом партийце, но в каждом рядовом рабочем. Путиловские рабочие поняли, что тракторостроение — это важнейший этап социалистической стройки.

Как сегодня, помню торжественное собрание в Доме культуры. В президиуме Киров, Куйбышев и другие товарищи. В четыре раза увеличивалось задание путиловцев. Они должны были дать в новом наступающем году 12 тыс. тракторов.

На трибуне Киров. Он произносит пламенную речь, заканчивая:

— Я не инженер «Красного путиловца» и не знаю, готовы ли вы технически выполнить программу, но коммунистически вы готовы и должны выполнить.

Так говорил подлинный большевик, соратник великого Сталина. Эти слова тов. Кирова были встречены краснопутиловцами с непередаваемым воодушевлением.

Десять тысяч тракторов или двенадцать тысяч? Какою должна быть новая программа «Красного путиловца»?

Оппортунистическое руководство «Красного путиловца», находившееся в окружении вредителей, всячески настаивало только на 10-тысячной программе.

Оппортунисты и вредители говорили, что можно выполнить 12-тысячную программу, но только с условием, чтобы на 2 тыс. тракторов получить деталей из Америки и лишь у нас собрать эти тракторы.

Мы же, краснопутиловские большевики, руководимые Кировым, ставили вопрос без всяких «но». И Сергей Миронович прежде всего укреплял в нас уверенность, что мы можем и должны выпустить 12 тыс. и ни одним меньше. Он говорил нам:

— Если в вас есть хоть самый маленький червячок сомнения, ничего из этого не выйдет...

Изо дня в день тов. Киров интересовался выпуском тракторов. Он вникал во все детали производственного процесса. Вопросы, которые он ставил нам по телефону, заставляли нас иногда смущаться, ибо это были вопросы не только большевистского организатора:

— Как прошли испытания с отжигом блоков?

— Как дела на шлифовке поршневых колец? — спрашивал он, как болеющий за дело хозяин, техник, инженер. И что удивительного в том, что многие рабочие и инженеры интересовались:

— Непонятно нам, не инженер ли Сергей Миронович?

Товарищ Киров требовал, чтобы ежедневно у него на столе находился свежий номер боевой тракторной газеты «На штурм 12 000». Он внимательно прочитывал эту небольшую газету.

— Хорошая газета, — говорил он нам, — не дает спать, а это главное, что требуется от заводской большевистской газеты.

Тов. Киров отлично знал тысячи людей и даже многих, с которыми лично не встречался. Как-то зашел разговор о кандидатуре секретаря во вновь организуемый партком тракторного завода. Мы говорили

о Коле Остахове, молодом, энергичном, растущем большевике.

— Это тот самый, который у вас отлично построил организацию по звеньям. Хороший паренек, подойдет.

И спустя немного времени Киров звонит ко мне и спрашивает:

— Ну, как Остахов? — справляется? Вы ему помогите.

Никогда не забуду своего последнего разговора с Миронычем. 30 ноября 1934 г., в 12 часов дня у меня дома звонит телефон:

— Алексеев? Здорово! Киров говорит. Ты где вчера был?

— Был в райкоме, был на «Путиловце» — на собрании актива.

— Вот это меня и интересует. Какие вопросы задавали? Чем больше интересовался народ?

Меня заинтриговало, что ж это он меня проверяет, но мои опасения быстро рассеялись.

— Видишь ли, завтра у меня доклад, так вот готовлюсь...

Доклада он этого так и не сделал. За два часа до собрания актива его сразила вражеская пуля. Зиновьевские белобандиты, злейшие враги рабочего класса, предатели и изменники подлым выстрелом в затылок прервали прекрасную жизнь великого большевика.

И теперь, проезжая по району, носящему великое имя Кирова, всюду видишь результаты его забот, его внимания. И новые жилмассивы, и новые улицы, и зеленые насаждения, и виадук, и Районный дом советов — всюду Киров, живой, улыбающийся, зовущий вперед тов. Киров.

Год прошел, но не верится, что его нет с нами, этого славного соратника великого Сталина. Нет, он с нами!

Рабочие заводов и фабрик нашего района, стахановцы победами этого года доказали, что с честью носят великое кировское имя. Но новые задачи стоят перед нами.

— Сколько ни построим — мало для нас, надо пота-

рапливаться дальше, — звучат слова Мироныча, сказанные кировским большевикам.

— Большевистская голова от всех других должна отличаться тем, что она никогда не должна кружиться, какие бы успехи мы ни имели и, наоборот, какие бы неудачи нас ни постигли. Вот чем мы сильны, — говорил нам Киров. Мы потеряли тов. Кирова. И в день траурной годовщины мы снова скажем:

— Зорким и бдительным будь, пролетарий!

П. СМОРОДИН
Секретарь Выборгского районного комитета ВКП(б) в Ленинграде

ВЕЛИКИЙ ДРУГ РАБОЧИХ

Год назад не стало нашего Мироныча. Но как сейчас стоит в памяти образ этого замечательного большевика, прекрасного человека, вдохновенного трибуна нашей революции. Память о нем крепко хранят тысячи выборгских рабочих, он был с нами в самые серьезные и ответственные моменты, с его именем связаны все наши победы и достижения.

Выборгский пролетариат хорошо знал и сердечно любил Сергея Мироновича. И Мироныч лично знал очень и очень многих рабочих. И когда в великие пролетарские праздники колонна Выборгского района проходила мимо трибуны — улыбающийся Мироныч по имени приветствовал знакомых товарищей, и это приветствие было горячим и крепким, как дружеское рукопожатие.

Рабочие завода имени Сталина никогда не забудут, какое большое участие принимал Сергей Миронович в ответственном и сложном деле выпуска первых советских турбин. Десятки раз приезжал он на завод, внимательнейшим образом изучал производство, раскапывал причины неполадок, указывал пути их исправления. Не раз приезжал Мироныч на завод для

того, чтобы принять участие в испытании готовой турбины.

Приемка турбины — это ответственный и тревожный момент. В напряженном молчании прислушиваются рабочие к первому биению сердца мощной машины, инженеры и мастера следят за тем, как увеличивается число оборотов — у каждого одна мысль, одна забота. И Сергей Миронович, охваченный общей тревогой, стоит вместе со всеми у испытательного станда.

Но вот — все быстрей работает турбина, работает ровно, без перебоев, у людей проясняются лица, и к Сергею Мироновичу начинают подбегать рабочие:

— Идет хорошо, Сергей Миронович, все будет в порядке.

Мастер турбинного отделения Тимофеев как-то сказал тов. Кирову о том, что существует примитивный способ проверки исправности турбины — надо на самый верх турбины поставить на ребро мелкую монету, гривенник или пятачок. Если монета при полном ходе машины не падает от сотрясения — значит машина работает хорошо, без перебоев. И с тех пор Сергей Миронович, приезжая на приемку, всегда говорил:

— А ну, перестаньте определять «на-глазок» — поставьте лучше на турбину пятачок.

Так горячо любивший жизнь Мироныч прямо-таки расцветал, когда видел наших здоровых, молодых, крепких ребят. На том же заводе имени Сталина в обеденный перерыв молодежь играла на дворе в баскетбол. Киров остановился, долго смотрел и сказал:

— Думал ли кто-нибудь раньше о том, что можно так веселиться на заводе? Хорошая молодежь, радостная у них жизнь и работа.

Киров любил людей. Он радовался их успехам, поднимал, поддерживал тех, кто своей работой помогал нашему государству. И недаром к Кирову обращались все заводские изобретатели и рационализаторы — он интересовался их работой, расспрашивал, советовал. Не забывал этих людей и, приехав на завод, вторично интересовался — как продвинулась их работа.

Среди больших дел Сергей Миронович находил время, чтобы заботиться о мелочах, улучшающих,

украшающих быт рабочих. Бывая на Оптическом заводе имени ОГПУ, он заметил, что «зеленая зона» завода — лужайка, засеянная травой, недоступна для отдыха рабочих в обеденный перерыв. Он указал на это и предложил разбить дорожки на «зеленой зоне», озеленить и привести в порядок двор, организовать площадки для физкультуры.

Он бывал в культкомбинате Оптического завода, осматривал фабрику-кухню, библиотеку, комнаты для занятий. Он радовался этому новому культурному учреждению, радовался за рабочих, которые получили условия, способствующие их росту и развитию.

Огромное внимание уделял Сергей Миронович оборонным заказам. Когда завод получал новую программу, он приезжал на завод, обходил все цехи, долго говорил с инженерами и рабочими.

Его замечания никогда не были голословны — он перед этим серьезно знакомился с заводом, производил подсчет загрузки оборудования, выяснял, какие заработки у рабочих, спрашивал — могут ли они выработать больше.

Как запомнились слова его последней речи, сказанной на собрании выборгского актива. Киров говорил:

— Товарищи, мы все безгранично любим и безгранично доверяем вождю нашей партии тов. Сталину. Я вам должен прямо сказать, ни один человек в нашей партии не болеет так за оборону страны, как тов. Сталин. И это не случайно, потому что Сталин обладает, помимо всего прочего, огромной прозорливостью. Он знает, что может случиться завтра. Нам часто приходится с ним соприкасаться и, когда приезжаешь, то он всегда спрашивает, а как с танками, с подводными лодками.

Была у Кирова одна замечательная особенность в подходе к рабочим — он всегда показывал им их работу в перспективе ее развития. Говоря о тракторных частях, о турбинах, об оборонных заказах — он всегда умел показать, какое значение имеет эта вещь для всей страны в целом и для каждого в отдельности. Он учил нас через детали и машины, которые производит рабочий, раскрывать перед ним его роль

в строительстве социализма, в обороне страны, в укреплении нашей социалистической родины. Он учил нас, партийных работников, по-сталински воспитывать рабочую массу.

Он сплачивал и воспитывал партийную организацию в беспредельной любви и преданности к нашей партии и к ее вождю тов. Сталину. Он выращивал партийные кадры, подбирая их из людей, способных с большевистским огоньком и страстностью проводить генеральную линию партии.

...Уже год, как с нами нет нашего Мироныча, нашего друга, нашего дорогого руководителя и товарища. Подлые зиновьевские выродки отняли его у нас. И нет более ненавистных людей у наших рабочих, нежели зиновьевец - каменевец. Выборгские пролетарии под руководством тов. Жданова, верного соратника Сталина, выполняют и выполнят до конца клятву, данную на могиле нашего Кирова — клятву добиться полной победы социализма, клятву — крепко держать боевое знамя Ленина и Сталина, знамя, которое до конца своей прекрасной жизни твердо нес Сергей Миронович Киров.

М. ОСВЕНСКИЙ
Секретарь Володарского районного комитета ВКП(б) в Ленинграде

МНОГОГРАННЫЙ КИРОВ

Не только партийного работника, но и хозяйственника, инженера, ученого всегда поражали в Сергее Мироновиче исключительная конкретность, всестороннее, до деталей, знание дела.

Когда ленинградская промышленность получала важнейшие государственные задания, Сергей Миронович умело и быстро переключал всю хозяйственную и партийную организацию на выполнение этих заданий. Он сам вникал в детали и нас учил этому, он требовал от нас, чтобы мы знали не только общее положение на том или ином заводе, но и частности. Мы обязаны были знать, что задерживает выполнение задания, кто задерживает. Вспоминаются десятки ярких примеров. Раздается телефонный звонок:

— Освенский? Киров говорит. Как дела на заводе имени Ворошилова?

Этот завод был его детищем. Он приложил много сил и энергии, пока добился, чтобы продукция этого предприятия достигла высокого уровня.

Я рассказал.

— А как с деталями? (Сергей Миронович тут же называл их номера). Доставляют ли их заводу? Сколько уже подано деталей?

Обычно он немедленно реагировал на те или другие выявившиеся недочеты.

Величие Кирова как руководителя, как вождя сказывалось в умении за большими и малыми делами видеть и чувствовать людей. Он беспредельно верил в неисчерпаемые источники энергии и энтузиазм рабочего класса. Когда, бывало, беседуешь с дорогим Миронычем на эту тему, всегда чувствуешь необыкновенное тепло и любовь к замечательным, рядовым людям, героям наших заводов, строек.

Однажды Сергей Миронович под свежим впечатлением посещения одной промышленной стройки рассказывал мне:

— Походил я по площадке и разговорился с одной молодой работницей. Побеседовал о ее жизни и работе, а затем я ее спросил: Какая у тебя норма и как ты ее выполняешь?

Работница, несмотря на то, что норму не выполняла, все же с гордостью сказала:

— Я недавно из чернорабочих. Пройдет немного времени, и я норму обязательно буду перевыполнять.

— Вот эта гордость, — говорил мне Сергей Миронович, — уверенность в своих силах — не простое бахвальство, а присущая рабочему классу уверенность в своих силах.

— Замечательные люди у нас растут! А как мы ими интересуемся? Занимаешься ли ты ими, тов. Освенский, так, как следует? Как поставлена среди строителей партийно-массовая работа?

— Ну, конечно, куда вам заниматься, — тогда же иронизировал Сергей Миронович, — этими мелкими организациями. У вас большие предприятия. И решительно закончил:

— Неверно!

А вывод, сделанный Сергеем Мироновичем, был таков:

— Мы, я думаю, и вы неправильно строим партийный аппарат, который главное внимание уделяет «Путиловцу», Балтийскому, «Большевику»..., ведь этими заводами занимаются буквально все. Мы эти

заводы и их людей знаем, как облупленных. А небольшие предприятия?

В такой организации, как ленинградская, где сконцентрировано большое количество предприятий союзного значения, мы нередко упускали из поля своего внимания так называемые мелкие предприятия. Сергей Миронович беспощадно бичевал нас за такое пренебрежение.

В Володарском районе строится громадный по размерам и новейшей конструкции мост через Неву. Руководящие работники района и города, да и я, не раз побывали на стройке моста. Но Киров умел иными глазами смотреть на строительство. После одного своего посещения он поднял на ноги ряд организаций, в том числе и наш райком ВКП(б), так как обнаружил, что в общежитии рабочих не выведены клопы, а кухня столовой рабочих полутемная.

Этот пример показывает, как Сергей Миронович подходил к каждому вопросу. Он интересовался не только количеством уложенного строителями кирпича, но и тем, как они, эти люди, живут. Вот еще яркий пример. В нашем районе развернулось большое строительство комбината «Хлебострой». Приехав как-то на строительство, Сергей Миронович осмотрел выставку, выслушал руководителей об успешном ходе работ и рекордах отдельных рабочих и вдруг спросил:

— Все это хорошо! А вы покажите мне, как работает ваша столовая? Чем вы кормите рабочих?

Пошли в столовую. Сергей Миронович выяснил здесь, что питательность блюд недостаточна для рабочих-строителей, проводящих весь свой рабочий день на открытом воздухе: трест общественного питания производил раскладку продуктов на массовые обеды без учета особых условий работы тех или иных категорий рабочих.

В результате этого посещения вопрос о питании строителей стал предметом обсуждения в обкоме ВКП(б). Тресту общественного питания было предложено перестроить всю систему организации питания в соответствии с условиями работы разных групп трудящихся.

Киров как партийный руководитель в своей многогранной практической работе за большими стройками, за гигантами-предприятиями всегда видел людей, творящих дело нашей партии. Бывая на предприятиях по какому-либо важному делу, он быстро узнавал и о десятках мелочей, имеющих принципиальное значение для производства и для рабочих.

Умение быстро разобраться в этих фактах, выудить главнейшее, заставить интересоваться этим главным всех работников было замечательной, характерной для С. М. Кирова чертой.

С. СОБОЛЕВ
Секретарь Петроградского районного комитета ВКП(б) в Ленинграде

ЗНАМЕНОСЕЦ ЛЕНИНИЗМА

Образ Сергея Мироновича Кирова — железного большевика, вдохновенного трибуна, изумительного человека — навсегда сохранится в нашей памяти, в наших сердцах.

Мне на долю выпало большое счастье. Начиная с 1922 г. я почти все время работал под непосредственным руководством Сергея Мироновича. Это была для меня большая школа большевистской партийности и сталинских методов работы.

В трудных и сложных условиях Закавказья Сергей Миронович с удивительной настойчивостью и огромным талантом проводил ленинско-сталинскую линию партии.

Создание дружной семьи народов Закавказья, победоносно строящих социализм, есть результат блестящего осуществления Кировым и его любимым, неразлучным другом Серго Орджоникидзе ленинско-сталинской национальной политики.

Вспоминается исключительная по своей силе речь Сергея Мироновича на I учредительном съезде Закавказской федерации в Баку.

Эта блестящая речь, в которой Мироныч с глубоким проникновением изложил большевистскую правду об

отношениях между национальностями, — до такой степени захватила делегатов съезда, что многие из них тут же, выхватив кинжалы, на обнаженных клинках клялись в верности советской власти и коммунистической партии.

В Баку, как и в последующие годы в Ленинграде, Сергей Миронович был общим любимцем трудящихся. На промыслах, пожалуй, не было ни одного рабочего-нефтяника, который не знал бы «своего Мироныча».

Если Сергей Миронович выступал в каком-нибудь из районов — туда было трудно попасть. Все средства передвижения были до-отказа набиты ехавшими послушать Мироныча рабочими всего нефтяного Баку. Когда становилось известно, что Киров выступает в Балаханах, рабочие Сураханских и Баиловских промыслов направлялись в Балаханы, но стоило Мироныч появиться в Баилове, как рабочие остальных районов устремлялись туда.

В Ленинграде, в период напряженнейшей борьбы с презренной зиновьевской оппозицией, Сергей Миронович с особой силой развернул свои исключительные способности и талант организатора, партийного руководителя, вернейшего борца за генеральную линию, за чистоту ленинских идей.

Мне особенно памятно собрание на Кировском заводе, бывшем «Красном путиловце». Оно происходило в зале имени Нариман Нариманова. Аудитория, набитая доотказа партийцами-рабочими, бурно протестовала против попыток представителей оппозиции выступить. Истерические визги этих растерявшихся изменников тонули в настойчивом, многоголосом требовании тысячной массы — просим Кирова! Кирова давай!

И когда Сергей Миронович появился на сцене, шумевший до того зал моментально притих.

В тишине, нарастая как снежная лавина, загремела пламенная речь Мироныча, обличающая контрреволюционную сущность оппозиции.

На партийных собраниях «Электросилы», «Печатного двора», фабрики им. Желябова — всюду и везде

тов. Киров неутомимо разъяснял значение исторических решений XIV съезда ВКП(б).

Борясь с оппозицией, Сергей Миронович взамен обанкротившихся, предавших интересы рабочего класса, бывших руководителей, поднял, воспитал и вырастил новые пласты руководителей из ленинградских рабочих.

Мироныч проявлял исключительную заботу о комсомоле, о выращивании из молодежи крепких большевиков. Его частые появления на комсомольских конференциях, собраниях молодежи, его постоянное общение с комсомольскими работниками сыграли решающую роль в укреплении ленинградской организации комсомола.

— Смелее, — учил нас Мироныч, — нужно выдвигать людей из рабочей молодежи к руководству комсомольскими организациями. Из рабочей молодежи, а не из визгливых мелкобуржуазных интеллигентиков, которые составляли «костяк» зиновьевского актива.

Смелее выдвигать и воспитывать новые кадры — этого неустанно требовал Киров, это он сам осуществлял с исключительным мастерством.

Киров был знаменем борьбы за новую технику, знаменем расцвета Ленинграда как крупнейшего индустриального центра.

Разгромив оппозицию, тов. Киров развернул план больших действий по укреплению индустриальной мощи нашего города. «Мы должны призвать Ленинград, — учил Мироныч, — его прекрасные кадры, его промышленность к выполнению ответственнейших заданий государства».

Ленинград расцвел, его роль в индустриализации страны, в укреплении ее обороноспособности гигантски поднялась. «В Ленинграде, — как говорил Мироныч в своей прекрасной речи на XVII съезде ВКП(б), — остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, — все остальное стало новым». Чем был раньше хотя бы наш Петроградский район? Районом небольших заводиков, полукустарных мастерских, без оборудования.

А сейчас это район крупных предприятий с полумиллиардной программой.

Любое начинание любого ленинградского завода находило у Сергея Мироновича внимание и отклик.

Сколько было ночных телефонных разговоров, когда Сергей Миронович справлялся: что делается нового на «Электрике», на «Электроприборе», на «Красном знамени», заводе имени Кулакова, как дела с телевидением в радиолаборатории.

Безвременно ушел от нас Сергей Миронович Киров, злодейски убитый рукой выродка трижды проклятой зиновьевской оппозиции.

На это гнусное преступление партийная организация города Ленина ответила сплочением своих рядов вокруг Центрального комитета, вождя партии тов. Сталина. Она делает выводы из сурового урока — гибели тов. Кирова — о необходимости дальнейшего повышения своей революционной классовой бдительности, беспощадной борьбы с расхлябанностью и ротозейством, о необходимости усиления большевистской самокритики.

Напряженно работая над осуществлением задач, поставленных партией, ленинградские большевики претворяют в жизнь указания своего незабвенного вождя и друга тов. Кирова.

«Учитесь у Ленина закалять ненависть ко всем уклонам от ленинизма, ибо эти уклоны всегда помогают контрреволюции».

Возглавляемая верным сыном нашей великой партии, достойным преемником Сергея Мироновича тов. Ждановым, ленинградская парторганизация будет и впредь так же неуклонно, с такой же большевистской настойчивостью и революционной энергией бороться за дело Ленина—Сталина.

Петр АЛЕКСЕЕВ
Председатель Ленинградского облпрофсовета

ПЕРВЫЕ, САМЫЕ ГЛАВНЫЕ ПОЗИЦИИ...

Писать о Кирове невыносимо тяжело. Даже до сих пор — год спустя после подлого убийства нашего Мироныча — не верится, что нет в живых этого замечательного человека. Тот, кто имел счастье работать вместе с Кировым, под его руководством — должен помочь миллионам трудящихся, как можно ярче, во всех деталях запечатлеть образ этого великого борца нашей эпохи.

Рабочие Ленинграда впервые познакомились с Кировым, когда он во время XIV съезда партии приехал в Ленинград.

Я был тогда секретарем Выборгского райкома партии. Это был период, когда троцкистско-зиновьевская верхушка ленинградской организации пыталась сделать Ленинград своей крепостью. В самой ленинградской организации немало было еще оппозиционной швали. Со всей большевистской страстью Киров ринулся в бой за генеральную линию партии.

Вспоминаю один из приездов в период XIV съезда тов. Кирова в Выборгский район. На собрание районного партактива — на Лесном проспекте — там, где сейчас детский дом культуры им. Плеханова, явилась группа зиновьевцев, всячески старавшаяся если не протащить свою резолюцию (на это они тогда уже

не надеялись), то во всяком случае повлиять на ход собрания и хотя бы частично — на его решение. На это собрание явилась вся зиновьевская верхушка. И вот против них выступил Киров. В едкой, простой и пламенной речи он разъяснил значение исторических решений XIV съезда ВКП(б). Выступление тов. Кирова сыграло громадную роль.

Вслед за Кировым выступали низовые коммунисты. Все они от имени своих партийных коллективов заявляли, что будут бороться за линию партии.

Киров замечательно быстро сроднился с большевиками Ленинграда, с низовым партийным активом, сумел в необычайно короткий срок из среды преданных партии людей воспитать, организовать и выдвинуть на работу не только в низовые, но и в руководящие парторганы десятки тысяч коммунистов. Только за один 1926 г. на партийную работу в Ленинграде было выдвинуто более 13 тыс. коммунистов.

Киров укреплял ленинградскую организацию, сплачивал вокруг нее сотни тысяч ленинградских рабочих, убеждал их в правоте генеральной линии партии, в незыблемости ленинских принципов, в неизбежности победы социализма в нашей стране, мобилизовал и повел в бой ленинградских большевиков и рабочих на борьбу за победу коммунизма.

Кирова знала и пламенно любила вся советская страна. Он был особенно любим пролетариями Ленинграда. И для всей партии Ленинград и Киров останутся как единое целое.

Киров миллионами нитей был связан с самыми широкими массами трудящихся. Он бывал сам на сотнях заводов. Тысячи рабочих ходили к нему. Часто можно было видеть Мироныча в задушевной беседе с группой рабочих. Он вдумывался в каждое их слово.

Сергей Миронович глубоко верил в силы ленинградского пролетариата, в его беззаветную преданность ленинской партии и тов. Сталину. Еще в 1927 г. он говорил, что:

«какие бы трудности, какие бы испытания ни предстояли нам впереди, что бы нам ни пришлось переживать в более отдаленном будущем, ленинградские

рабочие и ленинградские коммунары будут всегда занимать первые, самые главные, самые ответственные позиции революции».

Под руководством Мироныча ленинградские рабочие первыми претворили в жизнь ленинские идеи о социалистическом соревновании, явились инициаторами ряда замечательных форм соревнования, застрельщиками борьбы за повышение производительности труда.

Киров — большевистский вождь и организатор — высоко ценил роль профессиональных союзов и неоднократно подчеркивал, что «огромные миллионы трудящихся прежде всего непосредственно руководятся, организуются и направляются профсоюзными организациями».

При помощи Сергея Мироновича ленинградские профорганизации освободились от троцкистско-зиновьевской своры, под его руководством были выправлены правые ошибки в работе ленинградских профсоюзов. На место обанкротившихся правых оппортунистов, по указанию Сергея Мироновича, на руководящую работу в ленинградские профсоюзы были выдвинуты сотни низовых, преданных партии, профактивистов.

Важнейшим качеством кировского руководства была конкретность. У Кирова эта черта его руководства была доведена до совершенства.

«Профсоюзы без самокритики — мертвое дело», любил часто повторять тов. Киров. Это указание Сергея Мироновича, особенно сейчас, в момент глубокой, коренной перестройки профсоюзной работы, мы должны всегда помнить.

Киров требовал от профсоюзов неослабного внимания вопросам быта трудящихся. «Как только можно полнее удовлетворить запросы нашего рабочего. Эта задача имеет колоссальное значение», — говорил Сергей Миронович и сам показывал пример заботы о живом человеке.

Тысячу раз был прав поэт, воспевший в своих стихах глубокую связь Кирова с трудящимися массами:

«Он связан был с каждой
рабочей квартирой,
Он всюду нес дело и слово свое,
Великий соратник Сталина — Киров,
Голос партии, гордость ее».

Работа под руководством тов. Кирова была для ленинградских профсоюзов целой эпохой. Его руководство и личный пример заставляли нас как можно лучше работать.

Ленинградские профсоюзы, воспитанные Кировым в духе партийности, большевистской самокритики и смелой инициативы, под руководством тов. Жданова будут и впредь со всем энтузиазмом бороться за генеральную линию ленинской партии.

А. И В А Н О В
Зам. председателя Ленинградского областного исполнительного комитета

„ЗДЕСЬ БУДЕМ СТРОИТЬ ГОРОД"

В озникновение нового промышленного района на Севере и его освоение неразрывно связаны с именем Сергея Мироновича. Не будет преувеличением сказать, что, взявшись за это дело, Сергей Миронович не выпускал его из своих рук.

11 сентября 1929 г. было решено создать трест «Апатит», а уже в декабре того же года тов. Киров в сопровождении председателя Ленсовета тов. И. Ф. Кодацкого, управляющего трестом «Апатит» тов. В. И. Кондрикова и других направляется в Хибинскую тундру.

Поезд шел из Ленинграда на разъезд Белый (теперь там станция «Апатиты») Мурманской железной дороги. Вагон, в котором ехал тов. Киров, имел вид геологической библиотеки. Окруженный справочниками, атласами, Сергей Миронович изучал материалы по исследованиям Хибинской тундры.

По пути в поезд садились геологи. В вагоне Сергея Мироновича они докладывали о последних результатах разведок, высказывали свои мнения. Сергей Миронович слушал их, давал заключения. На следующей станции геологи сходили, в вагоне появлялись новые люди. Поезд шел на Север.

У разъезда Белого, на 67 градусе северной широты, стоял грузовик. На нем 29 декабря 1929 г. Сергей Миронович и его спутники двинулись в тундру.

В это время года солнце не восходит в Хибинах. Была полярная ночь. Грузовик едва шел по узкой, занесенной снегом дороге. На восьмом километре грузовик вследствие заносов остановился. Остальные 21 км шли частью пешком, частью на лошадях.

В маленьком домике, у подножья горы Кукисвумчорр, остановились на ночлег. Сейчас в этом историческом домике — небольшой музей памяти Сергея Мироновича.

Развесили карты. Геологи собрались на совещание. Обсуждали план наступления на апатитовую гору. На утро поднялись на Кукисвумчорр. Вернулись в барак продолжать совещание. Тов. Киров сказал: «Здесь будем строить город».

Сейчас город построен — это Кировск (прежде Хибиногорск). Советский Союз знает этот город — индустриальный форпост за Полярным кругом.

А тогда создание этого города многим казалось несбыточной мечтой.

Сейчас, в 1935 г., апатитовое дело настолько прочно, апатит так крепко вошел в нашу промышленность, что мы уже забываем, насколько, в сущности, ново это дело. Апатитовый рудник и обогатительные фабрики, как и другие предприятия страны, борются за свой план, выполняют и перевыполняют его. Отход апатитовой руды — нефелин — оказался прекрасным алюминиевым сырьем. На этой базе строится комбинат в Кандалакше.

В Смольном в кабинете тов. Кирова на стене висела карта Ленинградской области. К ней постоянно обращался взгляд Сергея Мироновича. С каждым годом количество значков на карте прибывало. Обозначались медь и никель Мончетундры, железные руды Карелии и Ены, титаномагнетиты близ Имандры, появились редкие земли в Хибинах, эвидиалит, лопарит с танталом и ниобием Ловозерских тундр.

При личной и постоянной помощи Сергея Мироновича завязываются узлы освоения Севера. Строится

Нивская гидростанция (уже работает Нива № 2, самая северная в мире), начата постройка еще более северной Туломской гидростанции, строятся дороги — железные и автомобильные.

По мысли Сергея Мироновича при Облисполкоме был организован Карело-Мурманский комитет, специально занимавшийся вопросами изучения недр, технологии их полезных ископаемых и форсированного развития производительных сил. На пленумы комитета приглашались геологи, металлурги, строители, и неизменно они видели Сергея Мироновича, скромно сидевшего сбоку за столом. Подчас он выступал. Это были яркие выступления.

Когда строился Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, тов. Киров глубоко интересовался экономикой примыкающих районов, давал ряд специальных заданий по перспективным исследованиям.

Глубокая постановка вопросов, оперативность, большевистская настойчивость — вот что отличало стиль его работы.

А. ГРИШИН
Начальник политического управления краснознаменного Балтийского флота, комиссар 2-го ранга

„ТРЕПЕЩИТЕ, ВРАГИ НАРОДА!"

Май 1919 г. Разгар гражданской войны.

Красный флот стягивается на Волгу, но контрреволюция посылает на красные корабли своих агентов, исподтишка ведут они провокационную работу, пытаясь предать наш флот белым.

И вот появляется Киров. Он подходит на катере к тому кораблю, где команда наиболее разложена провокаторами, поднимается на палубу и властным жестом призывает к вниманию. Уверенно звучит его речь, его голос распространяется по кораблю, овладевает командой. Все стоят покоренные его мужеством, его пламенностью. В настроениях команды наступает перелом. Нет больше веры контрреволюционным провокаторам. Силе кировской убежденности не может противостоять никто.

Много подобных замечательных эпизодов помнят моряки. Они помнят, как в 1919 г., плавая на миноносце по Каспию, Киров руководил захватом форта Александровского, как с его участием была открыта радиостанция белых...

Киров приехал в Ленинград в тот период, когда начался расцвет технической мощи Советского Союза,

и он все делал для того, чтобы новой техникой насытить и Красный флот.

С первых же дней Киров тесно связался с краснознаменной Балтикой.

С исключительной внимательностью осматривал он боевое снаряжение кораблей, интересовался каждым прибором и каждым механизмом, интересовался, как учатся овладевать техникой молодые моряки: есть ли в военно-морских училищах учебники, хороши ли там преподаватели.

Незабываемы дни, проведенные Сергеем Мироновичем в походе на «Марате». Веселого, жизнерадостного, пытливо изучающего каждую деталь краснофлотской жизни Мироныча мы встречали на палубе линкора, в кубриках, где он беседовал с моряками, на вечерах краснофлотской самодеятельности, в кают-компании за беседой с командирами...

...Сергей Миронович встретил на палубе линкора краснофлотца-электрика Богданова.

— Как служите? — спросил Киров.

— Я — молодой электрик, товарищ Киров, — ответил Богданов. — На «Марате» получаю практику.

С. М. Киров стал говорить о том, что на «Марате» можно многому научиться. Нужно только всем учиться, и тогда линкор превратится в прекрасную «техническую школу».

Прошло много времени, и вновь Киров встретил на «Марате» того же моряка. Он тотчас его узнал.

— А, старый приятель, мы с вами уже встречались. Как учитесь?

Киров умел запоминать людей. Он был чрезвычайно внимателен к сынам трудового народа. Говоря с человеком, он стремился помочь ему, воспитать его.

Всей своей жизнью Киров учил нас бесстрашному мужеству, большевистской партийности, непримиримой ненависти к врагу.

Киров убит подонками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции. Но никогда Киров не умрет в сердцах миллионов. В траурные дни похорон Мироныча тысячи краснофлотцев писали простые и искренние строки о Кирове. В них была и пе-

чаль о великой утрате и огненная ненависть к врагам. В эти дни написаны сотни песен о нем людьми, никогда до того не писавшими стихов. Краснофлотец Лебедев так выразил общее настроение бойцов:

«Трепещите, враги народа,
Дело Кирова живет.
Пулей не срезать крылья
Страны, идущей на взлет».

Сильны наши крепости. Метки наши орудия. Мощны наши корабли. Но еще сильнее и мощнее наша большевистская убежденность, преданность делу партии, пламенная идейность, которым учил нас Киров. С этим оружием мы непобедимы никем и никогда.

Стахановцы Николай СМЕТАНИН *(„Скороход")*. **Николай КОВАЛЕВСКИЙ** *(„Красный треугольник")*, **Михаил ЛОДЧИНОВ** *(завод имени Сталина)*

МЫ ВОСПИТАНЫ КИРОВЫМ

Любимый, родной Мироныч... Идет вперед и вперед, расцветает, наливается молодыми весенними соками наша великая родина. Могучим потоком разлилось по стране народное стахановское движение. Жить стало лучше, жить стало веселей, и работа спорится. Как бы радовался сейчас наш Мироныч, так заботившийся о счастье рабочего человека, так любивший его. Но Мироныча нет. Сегодня год с того дня, когда пуля проклятого изверга остановила его пламенное большевистское сердце. И мы на своем всесоюзном стахановском слете не видели Мироныча среди наших вождей, около нашего Сталина. Мы не слышали его огненных слов, его чудесного, задушевного, мужественного голоса. И так было больно и обидно, что никакими словами не передать это чувство.

Родной, незабвенный Мироныч! В те суровые и скорбные декабрьские дни, когда город Ленина и вся страна в глубоком горе прощались с тобой, каждый из нас дал святую пролетарскую клятву. Мы поклялись чтить не речами, не словами, а ударной и честной

большевистской работой твою великую память. И мы выполняем свою клятву, Мироныч! Рабочие города Ленина идут в первых шеренгах стахановского движения. Строя мощные турбины на заводе имени Сталина, выпуская на «Красном треугольнике» изоляторы для родины стахановского движения — угольного Донбасса, перетягивая на «Скороходе» сотни тысяч пар обуви для трудящихся нашей страны — мы, воспитанные Кировым пролетарии Ленинграда, сохраняем в памяти, в сердце то, чему учил, к чему звал нас Мироныч. Разве новые и новые рекорды стахановцев не являются достойным ответом на пророческие мудрые кировские слова, сказанные им в беседе с путиловцами — строителями тракторов: «Технически эта задача может быть и неразрешима, но коммунистически вы должны ее выполнить во что бы то ни стало».

Сейчас победами стахановского движения как никогда ярко раскрыта большевистская правда, заключенная в этих словах нашего незабвенного Мироныча.

Мы — счастливые люди. Мы живем, растем, воспитываемся в городе Ленина, в городе, в котором клокотала неуемная революционная энергия железного большевика Кирова. Он приезжал на наши заводы, в цехи, он ободрял нас в минуты трудностей, он учил нас быть настойчивыми, упорными, беззаветно преданными партии строителями социализма. Всем своим ростом, всеми своими победами, всей своей счастливой и радостной жизнью мы обязаны партии, великому Сталину и его ближайшему другу и соратнику — нашему дорогому Миронычу.

И мы горды тем, что хотя бы в маленькой степени оправдываем клятву, данную нами в те скорбные незабываемые дни. Вступая в ряды сочувствующих, мы обещаем тов. Сталину еще лучше работать, еще выше поднимать производительность социалистического труда, еще энергичнее выполнять заветы Кирова.

Б. П. ПОЗЕРН

ЖИЗНЬ БОЛЬШЕВИКА

Всем хорошо известен, всем нам близок наш родной Сергей Миронович Киров. пламенный трибун, мощный боец славной ленинско-сталинской когорты, крупнейший организатор, зоркий, дальновидный политик, вождь рабочего класса, соратник и друг тов. Сталина.

Путь тов. Кирова от плохонькой хибарки на пустынной улице далеко заброшенного в лесах и болотах Уржума, от безрадостного, скудного уржумского «дома призрения малолетних» до члена президиума Всесоюзного центрального исполнительного комитета, секретаря Центрального комитета ВКП(б) и секретаря Ленинградского обкома — это знаменательный путь, который особенно интересен, особенно поучителен потому, что мы, оглядывая его, видим, как постепенно шаг за шагом выковывалась, росла исполненная мощи и неисчерпаемой энергии фигура революционного пролетарского борца.

Детство Сережи Кострикова было суровым и безрадостным.

Его мать, после того как отец ушел на заработки и бесследно пропал, билась из последних сил, чтобы прокормить троих маленьких ребят. Нужда и непосильная работа сломили ее, она умерла от чахотки, когда Сереже было всего семь лет.

Слезными просьбами бабушка, сама жившая весь

век в «людях», добилась помещения Сережи в детский приют. В серых и скудных приютских стенах Сереже пришлось пробыть до 15 лет. Живя там, он учился в школе и прямо оттуда поехал в низшее механико-техническое училище в Казани.

«Уржумское благотворительное общество» назначило ему стипендию: 60 руб. в год. Это и на обед, и на квартиру, и на одежду, и на учебники, и на взнос платы за учение. В механико-техническом училище, где учились дети мелких служащих, ремесленников, рабочих, Сережа Костриков был самым нуждающимся из всех бедняков. Сиротское детство, тяжелая нужда, зачастую даже голодовка не сломили Сергея. И в городском училище в Уржуме, и в механико-техническом училище в Казани он был всегда в числе первых учеников, в сохранившихся его аттестатах имеются только четверки и пятерки, «хорошо» и «отлично».

Уже очень рано, в детские годы, у Сережи рождается дух протеста: еще мальчиком он сводит знакомство с ссыльными, разучивает революционные песни и вместе с товарищами распевает их где-нибудь на сеновале, на огороде или в ближайшей к городу роще, доводя до бешенства полицейских держиморд, безуспешно гоняющихся за ребятами.

В Казани уже он внимательным глазом всматривается в окружающее.

«Здесь есть завод Крестовникова, — пишет Сергей своей крестной в Уржум, — знаете, есть свечи Крестовникова. Здесь рабочие работают день и ночь круглый год без всяких праздников, а спросите вы их: «Зачем вы и в праздники работаете?» — они вам ответят: «Если мы не поработаем хотя бы один день, то у нас стеарин и сало застынут и нужно будет снова разогревать, на что понадобится рублей 50, а то и 100». Но скажите, что стоит фабриканту или заводчику лишиться ста рублей? Ведь ровно ничего не стоит. Да как это подумаешь, так и скажешь: зачем это один блаженствует, ни черта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде».

В училище Сергей был лучшим товарищем, все учащиеся его очень любили и уважали.

Нельзя не привести здесь один исключительно характерный случай, где юноша Костриков уже показывает себя далеко недюжинным человеком.

Бывший однокашник Сережи А. Яковлев рассказывает:

— В училище был грубиян инспектор Широков. Ученики, желая ему досадить, как-то бросили ему на стол дохлую ворону. Инспектор взбешен, готовится свирепая расправа с виновником. На одном из следующих уроков встает Сергей Костриков и заявляет, примерно, следующее: «Произошел неприятный случай. Но если вы, господин инспектор, не измените своего отношения к ученикам, то могут получиться более неприятные последствия».

Инспектор так был поражен этим заявлением, что не сказал ни слова, но после этого решительно изменил свое отношение к ученикам.

В Казани Сережа бывал в студенческих революционных кружках, читал нелегальную литературу, участвовал в жарких спорах.

Окончив училище 18 лет, он уже решил вступить на путь революционной борьбы и на вопросы товарищей по училищу отвечал: «Буду тем, кто всего нужнее...»

На каникулах, которые он проводил в Уржуме, Сергей сблизился с политическими ссыльными, бывал у них на собраниях, жадно читал революционную литературу и даже печатал прокламации на самодельном гектографе где-то в бане на огороде.

Не следует, однако, думать, что Сережа Костриков за эти годы тяжелого сиротского детства и не менее тяжелые годы ученья превратился в какого-нибудь молодого старика, в аскета, в человека, не понимающего, не чувствующего радости жизни.

Отнюдь нет, Сережа с детских лет отличался подвижностью и веселостью. В перемену между уроками он одним из первых выбегал на улицу, был первым зачинщиком всяких игр.

У него был тонкий слух и очень приятный голос; он любил слушать музыку и петь песни.

В Казани, несмотря на всю скудость своего бюджета, оставаясь нередко без обеда, он все же ухит-

рялся попасть в театр. Особенно любил оперу, часто потом с удовольствием вспоминал «Кармен» и «Пиковую даму».

Нужда, тяжелые лишения в детстве и юности не сломили Сергея Мироновича. Наоборот, он получил чрезвычайно крепкую закалку на всю жизнь.

Осенью 1904 г. Сережа Костриков в Томске. Это время огромного подъема, когда все громче раздаются раскаты близящегося революционного взрыва. Вскоре по приезде в Томск он заводит связи с рабочими-печатниками, вступает в подпольный социал-демократический кружок, которым руководил тогда тов. Крамольников.[1]

Через короткое время Сергей уже член «подкомитета» томской социал-демократической организации, печатает и распространяет литературу, ведет агитацию среди рабочих и т. д.

Расстрел рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. отозвался как громовый удар по всей стране; нашел он отклик и в Томске.

Социал-демократическая организация (она была в то время в Томске объединенной с большим преобладанием меньшевиков) готовит демонстрацию на 18 января. Сергей Костриков в числе первых организаторов демонстрации. Несмотря на протесты меньшевиков, он вместе с большевистски настроенными печатниками организует вооруженную охрану. Во главе десятка вооруженных старенькими револьверами товарищей он идет в первых рядах демонстрантов, прикрывая знаменосца — своего друга печатника Иосифа Кононова.

Неожиданный отпор сначала привел в смущение напавших на демонстрацию полицейских и казаков, но они быстро оправились и разгромили демонстрантов. Знаменосец Кононов убит, несколько человек тяжело ранены, многие легко ранены. Сережа Костриков, избитый, с разрубленным шашкой пальто, скрывается в переулке, ловко ускользнув из рук полиции.

Но боевая работа Сергея еще не кончена. Кто-то из

[1] Ныне работник ИМЭЛ. — *Б. П.*

демонстрантов, увидя, что Кононов упал, сорвал красный флаг с древка и засунул его в карман убитого.

Оставить боевое знамя в руках полиции невозможно, и Сергей берется его отыскать. Ночью, после всех треволнений боевого дня, он отправляется на розыски. Разбудив сторожей, проникает в покойницкую, якобы, в поисках пропавшего брата, находит там труп своего друга, и красный флаг, смоченный кровью павшего бойца, — в руках Сергея. Это красное знамя становится боевым знаменем томского комитета социал-демократической партии.

В этот день боевого крещения Сергей Костриков показал себя уже крепким, смелым, энергичным революционным бойцом.

Таким же показывает он себя во время скоро последовавшего первого ареста (2 февраля 1905 г.).

Жандармский полковник доносит:

«Сергей Костриков участвовал в сходке 2 февраля. От показаний по настоящему делу отказался. При обыске... в его квартире найдено много нелегальной литературы. Во время содержания под стражей вел себя весьма дурно, не подчиняясь требованиям тюремного начальства...»

Из кипучей революционной работы Сергея Мироновича в томский период (1904—1906 гг.) нужно особенно отметить его участие во главе рабочей обороны в схватке с черносотенцами во время зверского побоища, которое было организовано 20 октября 1905 г. царским палачом губернатором Азанчевским. Свыше полутораста человек было растерзано черносотенцами, действовавшими под охраной полиции. Только благодаря мужеству и находчивости Сергея Мироновича многие сумели спастись из здания, подожженного черносотенцами.

Введенный летом 1905 г. в состав томского комитета РСДРП, Сергей Миронович ведет упорную борьбу с меньшевиками. Он самый молодой — один или почти один — отстаивает ленинскую большевистскую линию. Подавляющее большинство членов комитета, старые «уважаемые» партийные работники — ярые меньшевики. Только рабочие слушают и понимают Сергея: на

станции Тайга (крупный узловой пункт с большими железнодорожными мастерскими) он, несмотря на свою молодость, завоевывает себе непоколебимый авторитет. Он руководитель стачечного комитета, любимый пропагандист и оратор, руководитель вооруженной рабочей дружины.

Осенью 1906 г. в момент окончания необыкновенно хитро и предусмотрительно сооруженной подпольной типографии, Сергея Мироновича (который изображал из себя «рабочего по ремонту») арестовывают. Организуется суд по его старым делам, и его засаживают в тюрьму почти на два года.

По выходе из тюрьмы, в 1908 г. Сергей Миронович перебирается в Томск, но там ему долго оставаться не пришлось. В Томске сама собой обвалилась устроенная им три года назад вместе с другими товарищами типография, и ему спешно приходится скрыться.

Сергей Миронович вдали от сибирских жандармов, в далеком захолустном Владикавказе. Здесь он завязывает связи с рабочими, с большим трудом восстанавливает революционную работу, которая совершенно приостановилась вследствие предшествовавшего разгрома социал-демократической организации. Однако примерно через полтора года полиция обнаруживает его. Путешествие этапом через все пересыльные клоповники и — опять Томск. Там — суд. Но на суде для обвинителей вышел конфуз: в прилично одетом молодом человеке полицейский чин, главный свидетель обвинения, не мог узнать немытого и нечесанного «ремонтного рабочего», которого он арестовывал шесть лет назад. «За отсутствием улик» уржумский мещанин Сергей Миронов Костриков — оправдан.

Сергей Миронович снова во Владикавказе, снова с владикавказскими рабочими. Но здесь новое происшествие. Сергея Мироновича, который служил корректором и сотрудничал в либеральной газете «Терек», тянут в суд за написанную им в газете статью «Простота нравов».[1]

В этой статье Сергей Миронович подвергает жестокой критике Государственную Думу, бывшую в этот период одной из опор царского самодержавия.

Судебное следствие тянется полгода, но подоспел манифест по поводу 300-летия Дома Романовых, и дело постановлением суда прекращено.

Февральская революция застает Сергея Мироновича во Владикавказе. Там во главе небольшой группы большевиков он развертывает огромную пропагандистскую и агитационную работу, выступает каждый день по нескольку раз на собраниях, на митингах, среди рабочих, среди солдат, среди горцев, беспощадно разоблачает предательскую политику меньшевиков и эсеров. Отсталым владикавказским рабочим и темным, еще более отсталым горцам, он неустанно разъясняет основы ленинской политики, шаг за шагом подводит их к пониманию необходимости пролетарской революции.

Работа тов. Кирова увенчивается полным успехом: в октябре руководство Владикавказским советом переходит в руки большевиков, и Сергей Миронович едет в Петроград делегатом от Владикавказского совета на II Всероссийский съезд советов. Здесь он принимает активное участие в Октябрьских боях на улицах Питера.

В это же, примерно, время полностью закрепляется руководство большевиков среди рабочих Владикавказа. В работавшей до того времени объединенно владикавказской социал-демократической организации происходит раскол, и из всей организации на стороне меньшевиков остается... 10 человек, из них всего двое рабочих. Меньшевистская организация во Владикавказе фактически перестает существовать.

В этот период тов. Киров во главе большевистской организации проделывает на Северном Кавказе гигантскую работу по внедрению начал ленинской национальной политики.

Тонко продуманной тактикой и еще больше силой своего пламенного красноречия разбивает он планы контрреволюционеров — казачьего офицерства и гор-

---

[1] Эта статья была подписана „С. Киров". Под этим литературным псевдонимом революционное имя Сергея Мироновича стало известно миллионам людей. — *Б. П.*

ских феодалов, кулаков и мулл, поставивших себе задачей путем разжигания межнациональной войны отвести широкие народные массы от разрешения вопроса о земле и о советской власти.

4 марта 1918 г. народный съезд Терской области, состоящий из представителей казаков, крестьян, горских народов, с энтузиазмом провозглашает советскую власть на Северном Кавказе.

Следующий этап красочной биографии тов. Кирова — оборона Астрахани в 1919 г.

Окруженный полукольцом белогвардейских банд — с востока колчаковские отряды, с запада отряды Деникина, с Каспийского моря — английский флот, подошедший к самому устью Волги, — тов. Киров без сколько-нибудь надежных красноармейских частей, борясь с внутренней контрреволюцией, которая поднимает восстания в самой Астрахани, организует героическую оборону этого важнейшего участка нашего боевого фронта, сплачивая вокруг себя коммунистов и беспартийных большевиков.

Многим коммунистам оборона Астрахани представляется делом безнадежным. Троцкий из штаба главнокомандующего дает паникерские, по существу предательские указания об эвакуации Астрахани. Тов. Киров вместе со всем Реввоенсоветом XI армии апеллирует в ЦК, непосредственно к Ленину и оттуда получает ответ: защищать Астрахань до конца. Тов. Киров с честью выполняет это задание, хотя после падения Царицына летом 1919 г. Астрахань много раз буквально висит на волоске.

Только кипучая энергия, огромные организаторские способности тов. Кирова и его пламенное красноречие, вдохновляющее на борьбу тех, которые уже опускали руки в отчаянии, которые роптали, отказывались уже исполнять боевые приказы, — спасли положение.

Посрамив Троцкого, тов. Киров не только отстоял Астрахань от белогвардейцев, он в ноябре 1919 г., сформировав новые части, переходит в наступление, участвует в обратном взятии Царицына и зимой 1919—1920 гг. совместно с Серго Орджоникидзе, под

общим руководством тов. Сталина, разбивает Деникина и освобождает Северный Кавказ от белогвардейцев.

28 июня 1920 г. первый красный бронепоезд вступает в Баку на помощь бакинским рабочим, восставшим против муссаватистского правительства. Товарищи Киров и Орджоникидзе — в освобожденном от буржуазной власти Баку.

С осени 1921 г. тов. Киров — секретарь Центрального комитета компартии Азербайджана. Здесь он благодаря своему глубокому знанию быта, жизни и особенностей работы на Кавказе в короткое время добивается внутреннего мира и сплоченности в бакинской организации, до того времени в течение долгих месяцев потрясаемой внутренними раздорами.

Тов. Киров, восстановив нормальную работу в бакинской партийной организации, которая являлась, да и до сих пор является стержневой пролетарской организацией Закавказья, совместно с тов. Орджоникидзе берется за серьезнейший и важнейший для всего Закавказья вопрос — организацию Закавказской федерации.

Плану создания Закавказской федерации оказывают бешеное сопротивление националистические элементы внутри нашей партии, являясь рупором буржуазных националистов.

В упорной борьбе тт. Киров и Орджоникидзе побеждают, и начала национальной политики Ленина—Сталина получают с образования Закавказской федерации новую твердую организационную базу.

В Баку перед тов. Кировым стоит еще одна огромная задача всесоюзного масштаба: восстановление и реконструкция нефтяной промышленности, которая была до крайности отсталой, а в годы гражданской войны и владычества муссаватистов пришла почти к полному разрушению.

И эта задача была с полным успехом выполнена тов. Кировым, сумевшим крепко сплотить вокруг себя бакинских большевиков, объединить и воодушевить на борьбу в тяжелейших условиях бакинских пролетариев.

Наконец последний заключительный, самый славный этап работы тов. Кирова: Ленинград, разгром зиновьевско-троцкистской оппозиции и работа Сергея Мироновича во главе ленинградской организации, во главе пролетариев города Ленина.

1926 г. был годом тяжелейших испытаний для ленинградской организации. После того решительного перелома в широких партийных массах, которого в течение коротких двух недель сумела добиться группа членов ЦК — тт. Ворошилов, Молотов, Калинин и Киров, — поставлена была огромная задача: смена всего руководства снизу доверху, смена — за исключением единиц — всех руководящих работников губкома, райкомов, предприятий. Достаточно сказать, что из секретарей райкомов остался только один верный линии ЦК — секретарь Выборгского райкома партии Петр Алексеев.

В самый короткий срок на смену сотням прежних обанкротившихся руководителей нужно было выдвинуть с низов сотни других; нужно было немедленно восстановить работу, в корне подорванную зарвавшимися оппозиционерами, поставившими все на карту во имя преступной контрреволюционной цели — опрокинуть ленинское руководство партии.

Вот в каких труднейших условиях во всей своей силе показывает себя тов. Киров — крупнейший организатор нашей партии.

Он бывает на всех заводах, он выступает на десятках собраний, он говорит с сотнями людей, одних убеждает, других воодушевляет, он во всех вкладывает огромную энергию и желание все сделать, все силы положить во имя торжества дела партии, дела Ленина—Сталина. Тов. Киров, сплотив вокруг себя ядро твердых сторонников ленинской линии партии, сумел в один год выполнить эту поистине гигантскую работу.

Разгромив антипартийную контрреволюционную зиновьевскую оппозицию идейно, разбив ее мерами организационного характера, тов. Киров поставил перед собой следующую огромного масштаба задачу: всей практикой работы показать, что установки оппозиции

были в корне ложны и что лишь последовательное и энергичное осуществление политики ленинского ЦК обеспечивает действительный подъем ленинградской промышленности, города Ленинграда, действительный мощный расцвет ленинградского пролетариата, о пренебрежении к которому сочиняла бессовестную подлую ложь зиновьевская оппозиция.

9 лет гигантской строительной работы под руководством тов. Кирова — и Ленинград, идя в первой шеренге бойцов социалистической стройки, перестраивает заново свои заводы и фабрики, создает себе мощную энергетическую базу, в 5½ раза увеличивает продукцию своей промышленности, блестяще выполняя роль кузницы оборудования для всех новостроек Советского Союза. Поднимается сельское хозяйство Ленинградской области, пробуждаются к жизни богатства Заполярья, сам прекрасный город Ленина превращается в подлинно социалистический город, ленинградский пролетариат вырастает количественно, поднимается к высокому жизненному уровню, сплачивается вокруг ленинской партии, увлекая за собой колхозное крестьянство.

Растет, крепнет, сплачивается в мощный монолит вокруг своего ЦК, вокруг любимого Сталина воспитанная Кировым ленинградская партийная организация. В наших успехах, в нашем радостном, мощном движении вперед живет дело Кирова, живет сам Киров.

П. ЖАКОВ

МУЖЕСТВО

В 1901 г. по конкурсу аттестатов был принят в Казанское техническое училище воспитанник Уржумского воспитательного дома 15-летний юноша Сергей Костриков.

Я заведывал тогда в училище учебной частью механического отделения, преподавал черчение и курс «Устройство машин» и был тесно связан со своими учениками.

Окончил Костриков училище весной 1904 г. С тех пор я не имел о нем никаких сведений. Только в прошлом году, в траурные декабрьские дни, когда страну потрясла весть о том, что С. М. Киров так трагически погиб от предательской руки врагов родины — я узнал из биографии павшего вождя, что наш бывший талантливый и любимый ученик Сережа Костриков и Сергей Миронович — это одно и то же лицо.

Как сейчас, встает передо мною фигура Сережи в потрепанном легком пальтишке, служившем ему верную службу и зимой и летом... Казанское техническое училище было по тем временам весьма демократическим учебным заведением. Значительная часть учеников состояла из сыновей рабочих, ремесленников, мелких служащих. Нуждавшихся здесь было много, но и среди них Костриков был бедняком из бедняков. Питомец казенного воспитательного дома,

больной и голодавший юноша, без родных и близких, без какой бы то ни было моральной и материальной поддержки, он сам пробивал себе дорогу, и своим образованием был обязан лишь себе и только себе самому.

Учиться было тогда не легко. В училище существовал такой распорядок: ученики приходили к половине восьмого утра и обязаны были присутствовать на общей молитве. Занятия начинались с восьми и тянулись до полудня. Затем давался двухчасовой перерыв на обед, а потом с двух часов и до шести вечера занятия продолжались. Так — ежедневно. Кроме того каждый день ученикам задавали на дом работы, выполнение которых требовало еще не менее 2—3 часов. Жили ученики на «ученических», разрешенных начальством, квартирах у «благонамеренных» частных лиц.

Квартиры контролировались инспекцией. В частной жизни учеников соблюдался строжайший, почти полицейский режим. В каждой комнате помещалось по нескольку учеников. Плата была высокая — от 3 до 5 руб. в месяц за койку. Обедали ученики в столовой училища, которую содержали на средства «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся».

Обед в столовой из 2 блюд стоил 12 коп., а попроще — 8 коп. Сережа был настолько беден, что не мог обедать даже в столовой общества, и ему выдавались единовременные небольшие пособия или бесплатные обеды.

Эту помощь оказывали ему, однако, не систематически. Но с редкой для мальчика его лет твердостью Сережа мужественно преодолевал исключительно тяжелые материально-бытовые условия и по всем академическим показателям шел все время в числе первых. Его интерес к науке был поистине неисчерпаем. Поставив себе целью закончить техническое училище, он не останавливался ни перед какими препятствиями.

Обычною болезнью наших учеников была казанская малярия, которая не пощадила и Сережу.

Мне не раз приходилось наблюдать: сидит он, бедный, на моем уроке, скорчился в припадке малярии, но внимательно слушает объяснения... В моей памяти

сохранился один эпизод, характеризующий отношение Сергея Мироновича к своим занятиям.

Мною была предпринята с учебной целью экскурсия на Паратский завод, близ Казани. Насколько помнится, дело происходило зимой 1903 г. Учеников обязали явиться на вокзал.

Когда я пришел на вокзал, то был поражен видом Сережи. Приступ малярии — в самом разгаре. Весь желтый, согнувшийся, он сидел в своем пальтишке на скамейке у вокзала и еле сдерживал озноб. Ехать в таком состоянии было немыслимо. Я попытался отговорить юношу от поездки. Он дрожал в лихорадке, но, мягко улыбаясь, ответил:

— Ничего. Приступ пройдет в дороге, а пропускать экскурсию нет смысла.

Отсутствие близких, тяжкие бытовые условия, постоянное недоедание вызвали бы у многих уныние, сломили бы всякое желание учиться. Но не таков был Сергей Киров. Целеустремленность и бодрость никогда его не покидали. Он интересовался не только работой в училище, но всегда стремился расширять свой кругозор, читал массу книг, любил художественную литературу и в беседах обнаруживал острый ум и критическую мысль. Окончил он училище одним из первых. А насколько трудно давалось учение его сверстникам, показывает тот факт, что из принятых в 1901 г. 40 учеников окончили курс вместе с ним лишь 16.

Все технические знания, которые Сергей Миронович получил в школе, он воспринял основательно, и, думаю, что в его последующей революционной работе эти знания весьма пригодились ему, давали возможность успешно разрешать сложные технические проблемы, с которыми он сталкивался и в годы гражданской войны и в годы мирного социалистического строительства.

В своих отношениях с товарищами Сергей Киров отличался исключительной отзывчивостью, оказывал помощь в учебе всем, кто к нему обращался, и заслужил в училище всеобщие симпатии.

Независимый, смелый юноша никак не мирился с крайне стеснительными распорядками, какие существовали в дореволюционной школе и регламентировали жизнь учеников во всех мелочах, совершенно связывая их личную свободу.

Ученики обязаны были являться на утреннюю молитву. Им не дозволялось ходить в театр без особого разрешения, а такие разрешения в учебные дни не выдавались. Не разрешалось даже выходить из дому позднее установленного времени. Нельзя было носить длинные волосы.

По протоколам педагогического совета училища за ноябрь 1903 г. видно, что против учеников 3-го класса механического отделения возбуждено было серьезное «дело»: они обвинялись в отказе выполнить письменную работу по закону божьему, к тому же они посетили театр без разрешения начальства.

В числе проштрафившихся на первом месте был, конечно, Сергей. Их проступкам была придана окраска крамольного протеста, и Сереже с его товарищами грозило временное исключение из училища. Мне, однако, с группой преподавателей удалось опротестовать эту меру, и «бунтовщики» отделались карцером.

Как раз в это время я очень сблизился с Костриковым. Видя тяжелую нужду одаренного ученика, я предложил ему приходить ко мне обедать. Костриков согласился, и в течение целого года мы ежедневно виделись с ним у меня дома за обедом.

На всю жизнь остались в памяти беседы с юношей— долгие разговоры о жизни, о людях, о человеческих отношениях. Тщательно конспирируя свою связь с социал-демократическими кругами, Сергей все же вел у нас в доме страстные беседы на острые темы тех дней. Тонкость анализа различных явлений, какую обнаруживал Сережа, поражала и запоминалась надолго.

И сейчас, чем дольше я гляжу на портрет покойного С. М. Кирова, тем яснее и яснее встают предо мной картины прошлого. И сквозь черты зрелого, мужественного борца проступает старый, давно знакомый облик Сережи Кострикова, ученика Казанского технического училища.

Б. ШУМЯЦКИЙ

ЗАКАЛКА

По снежной декабрьской Москве, по притихшим и скорбным улицам на лафете везли гроб Кирова — пламенного трибуна нашего.

Сотни тысяч лучших людей страны, объятые скорбью и гневом, шли за гробом Сергея Мироновича, а впереди их — друг и учитель Кирова, великий кормчий пролетарской революции — Иосиф Виссарионович Сталин.

Сталин шел с высоко поднятой головой, в своей обычной серой шинели и военной фуражке. Сталин, вероятно, вспоминал все свои встречи с Кировым. Мысленно видел прекрасный и кристально-чистый путь этого человека, и вся страна, пролетарии мира в эти минуты жили теми же чувствами скорби и негодования, жили такими же воспоминаниями о Кирове.

Чудесная сила была в этом человеке! Каждое его слово, каждый звук его взволнованного глубокого голоса зажигал сердца.

★ ★ ★

В 1905—1906—1909 гг., в далекие годы, обвеянные дымкой революционной романтики, я имел счастье встречаться с молодым Кировым. В Сереже Кострикове тех лет только выковывался вождь революции, но все те черты, которые были характерны для Сергея

Мироновича Кирова, были характерны и для Сергея Кострикова.

Он был душою томских большевиков того периода. Он организовывал боевую дружину и вел ее в бой как ее руководитель и рядовой боец. Это он формулировал боевые задачи томских рабочих и руководил многочисленными забастовками и демонстрациями, которые предшествовали бурным октябрьским дням 1905 г. в Томске.

Январская забастовка печатников типографии Макушина, демонстрация в день похорон знаменосца томских революционных рабочих Иосифа Кононова, создание революционного лектория на томских общеобразовательных курсах, организация героической самообороны в дни октябрьского погрома, устроенного томскими черносотенцами, — все это неразрывно связано с именем Сергея Кострикова.

Я впервые встретился с Сергеем Мироновичем осенью 1905 г., но еще до этой личной встречи я знал Кострикова по восторженным рассказам о его революционных делах. Товарищи рассказывали об экспроприации печатного станка, о спасении Сергеем знамени томской демонстрации, о его организационных и редакторских способностях, и эти рассказы подымали нас в нашей борьбе, закаляли и вдохновляли.

Я не знаю, кто был автором знаменитой прокламации большевистского сибирского социал-демократического союза — «Сорок человек — восемь лошадей», но Сережа Костриков, несомненно, принимал участие в ее составлении и редактировании.

Через далекую Сибирь, к полям Манчжурии, к лесным концессиям на реке Ялу, украденным у корейского народа капиталистами и царским двором, тянулись в те дни эшелоны царского воинства. Прокламация сибирских большевиков имела большой успех не только среди этих солдат, не только среди сибирских рабочих, — она с огромной быстротой разошлась по всей стране.

«Вокзал, свистит паровоз, грохочут вагоны. Жандармы и офицеры с силой отрывают жен от мужей. Женщины плачут, голосят. У бородатых людей, и у тех

текут слезы. Несчастных людей вталкивают в вагоны, и поезд отходит. Женщины пытаются цепляться за буфера, без памяти падают на платформу. Поезд уходит, а их отрывают. За платья женщин плача цепляются дети. Война — так царь захотел.

Сорок человек — восемь лошадей.

Тихо и уныло в деревне, кормильцев угнали, работы стоят. Кто справится с пашней? Из-за заброшенного поля, из-за околицы грозно выглядывает голод. Плачут дети. Печь не топлена. На последний гривенник жена нанимает писаря написать письмо. Но красные вагоны далеко угнали хозяина, и пока идет письмо, тело его наверное успеет уже сгнить в чужом далеком краю. Жди, жена. Ожидайте, дети. Война — так царь захотел...

Сорок человек — восемь лошадей».

Прокламация эта, часть которой мы сейчас привели, была замечательным документом в свое время, была образцом той простоты и вместе с тем глубокой принципиальности, с какой уже в те далекие годы вели революционную борьбу сибирские большевики.

Осенью 1905 г. автор этих строк приехал к Сергею Кострикову в Томск и привез так называемую красноярскую программу железнодорожного союза. В те годы существовало несколько союзных уставов. В Иркутске эсерами и меньшевиками был выдвинут цеховой принцип объединения. Мы противопоставили этому принципу создание отраслевых союзов. Устав союза надо было согласовать с сибирским социал-демократическим центром, и над выработкой различных профессиональных уставов и программ много работал в то время Сергей Миронович.

Мы встретились с ним на квартире у доктора Грацианова, и сразу же после первых слов меня охватило ощущение, что с Сергеем я знаком давно, больше того, — что мы с ним друзья и близкие люди.

В тот вечер Сергей Костриков должен был отвести меня, не знакомого с городом, на ночлег к одному из революционных товарищей.

Надо было итти на «Исток» (так называлось предместье города, расположенное за ручьем). Однако

в квартире, которая предназначалась для ночлега, на сказанный мною пароль ответили недоумением, и мне пришлось вернуться к Сергею Кострикову, ожидавшему меня на улице.

— Ну что ж, — сказал Костриков, — завтра выясним, в чем тут дело, а сейчас пойдем искать другое место.

Мы пошли через весь город мимо низеньких деревянных домиков, закрытых, как крепости, огромными воротами и ставнями. Во многих домах, за воротами, бегали цепные псы. На улице было пустынно, и псы лаем провожали одиночных прохожих.

Мы шли и перебрасывались отрывочными фразами, но в одном из домов сквозь ставни чей-то голос напевал сибирскую песню: «Эх, темная ноченька, мне не спится, сам не знаю, почему».

Сергей Миронович остановился. Мы с удовольствием слушали глубокий грудной голос неизвестного певца. И когда песня окончилась, и мы зашагали дальше, Сергей Миронович сам запел ту же песню о темной ноченьке. Голос у него был приятный, но в отличие от незнакомого певца пел он эту песню в очень бодром темпе.

Отвечая каким-то своим мыслям, Сергей Миронович сказал мне:

— Эх, и здорово же у нас будет!

— Когда? — спросил я, думая о другом.

— А после революции, — просто и уверенно ответил Костриков, словно он уже видел своими глазами эту чудесную жизнь, словно слушал собственное свое выступление через 28 лет на XVII съезде партии о хорошей жизни, о том, как хочется жить.

★ ★ ★

О Кирове можно рассказать многое. Но даже восстановив всю его прекрасную жизнь, проследив ее шаг за шагом, все равно обилия красок и черт не исчерпать.

В осажденной Астрахани, в центре гнуснейшего соглашательства в период гражданской войны — меньшевистской Грузии, в центре скрещения интересов сорев-

нующихся в борьбе за русскую нефть империалистических клик — Баку, наконец, в городе Ленина, как в одном из форпостов пролетарской революции, — везде и всегда Киров вел массы за собой, воспитывал тысячи большевиков, был несгибаем в боях, ибо не было еще стали крепче, чем сталь ленинско-сталинской закалки.

Ю. БУТЯГИН
Бывший командарм XI армии

ОБЛИК ГЕРОЯ

Автомобильные шины шуршали на льду. Грузовики с оружием и деньгами переправлялись через Волгу у Астрахани. Экспедиция во главе с Кировым двигалась на Кавказ, чтобы помочь XI и XII армиям, реорганизовать их, наладить снабжение, обеспечить победу.

События на фронте трагически укоротили наш путь. Мы встретили части XI армии в заволжской бездорожной степи. Армия отступала. И, следуя за ней по пятам, сыпной тиф устилал мерзлую землю тысячами трупов.

Путь на Кавказ был закрыт. Экспедиция повернула обратно, в Астрахань. Шел январь грозного и тревожного 1919 г.

★ ★ ★

... Три деревянных ящика были скреплены треногой от пулемета. В них было 5 млн. руб. николаевскими деньгами — «железный фонд» экспедиции, предназначавшийся для нужд кавказских армий. И вот произошло несчастье. При вторичном переезде через Волгу под грузовиком, почти у самого берега, треснул лед. Мгновение — и машина затонула. Люди, едва успев-

шие спастись, молча смотрели на темную полынью, в которой еще бурлила вода.

Молчание нарушил голос Сергея Мироновича. Тон его был внешне спокоен. Это было спокойствие несокрушимой воли и мужества.

— Поднимем во что бы то ни стало!

Сергей Миронович берет на себя все хлопоты. Сам идет в Реввоенсовет, в штаб флота, добивается присылки водолазной партии. Начинаются подводные работы. Сменяя друг друга, опускаются водолазы на дно реки. Мы с волнением ожидали, когда вынырнет из проруби круглый водолазный шлем. И каждый раз — разочарование:

— Ящиков с деньгами нет!

Возле проруби разбита брезентовая палатка. Мироныч дежурит здесь долгими часами. Скрывая свое беспокойство и волнение, он подбадривает товарищей. Шутит, улыбается, время от времени начинает иронически напевать своим приятным тенором:

«Эх, ты Волга, мать родная, Волга русская река, не видала ты подарка от терского казака!»

В Астрахани нас считали терскими, потому что в 1918 г. мы воевали на Тереке.

Снова подымается наверх водолаз. «Находка!» Два чемодана — Кирова и Эшбы.

— А ящики?

— Ящиков нет!

Быстро принято решение. Тяжелый скафандр плотно охватывает коренастую фигуру Сергея Мироновича. Его спокойное и решительное лицо скрывается в водолазном шлеме. И вот над головой Кирова сомкнулась темная вода полыньи.

Долгое тревожное ожидание. Не случилось ли с ним чего-нибудь? Первый раз в жизни, экспромтом взяться за работу водолаза! Наконец, сигнал подъема. Медленно, как-то неохотно Сергей Миронович ступает на лед.

— Ну, что?

— Ящиков нет.

Что же? Безнадежная неудача? Отступление?

Сергей Миронович не меняет своих решений. Снова и снова, повинуясь его железной воле, шарят водолазы по дну реки. И на 11-й день поисков ящики, отнесенные течением на 35 саженей от места аварии, найдены и подняты наверх. Их увозят в надежное место. Намокшие деньги сушатся, бережно разглаживаются утюгом.

...«Не вида-ала ты подарка от терско-ого ка-зака!» В голосе Сергея Мироновича — веселый юмор, молодой и жизнерадостный задор...

★ ★ ★

Враг стоял у ворот. В самом городе готовилось белогвардейское восстание. Киров остался в Астрахани, приняв на себя власть председателя военно-революционного комитета. Он жил вместе с нами — его ближайшими помощниками — в большой и пустой комнате, где постелями служили бурки, разостланные на полу. Конечно, он мог бы получить любые удобства. Но Сергей Миронович не мог допустить даже мысли о том, чтобы как-то уединиться, отделить себя хоть в бытовых мелочах от своих товарищей.

Утро начиналось рано. Очередной дежурный по «хозяйству» хлопотал о завтраке для нашей маленькой коммуны. И, ревниво соблюдая свою очередь, Сергей Миронович отводил все наши попытки заменить его. Весело громыхая чайником, он бежал в соседнюю чайную и приносил наш несложный завтрак: кипяток, хлеб и твердую, словно чугун, воблу.

А затем начинался день — боевой день большого человека, который перед лицом грозной опасности твердо решил спасти судьбу города и фронта. Киров организует помощь отступающим частям, посылает к ним навстречу транспорт, продовольствие, врачей, обеспечивает измученным бойцам отдых в городе. Выступает на предприятиях и в красноармейских казармах, склоняя на свою сторону колеблющихся, ободряя упавших духом. Готовит отпор надвигающемуся белогвардейскому восстанию.

По его приказу разоружены ненадежные части 45-го и 180-го пехотных полков, состоявших в большинстве

своем из сыновей местных кулаков и прасолов. На чердаках домов по линии реки Кутума и по Канаве тайно установлены пулеметы. На военных судах в порту приведена в боевую готовность артиллерия. Весь военно-оперативный план обдумывается до мелочей, и все люди расставляются лично самим Кировым.

Поздним вечером, усталый, но удовлетворенный, он возвращается в нашу большую, неуютную комнату.

— Надо сходить в баню!

Это — обязательный ритуал, совершаемый регулярно каждые 2—3 дня. Баня, по мнению Мироныча, — самое важное средство против сыпняка. Забравшись на верхнюю полку, он парится долго, жарко, со вкусом. Мы с азартом хлещем друг друга вениками и выходим из бани раскрасневшиеся, освеженные, бодрые.

Теперь нужно подремать несколько часов перед новым и трудным «завтра». В нашей маленькой коммуне невесело. Уже трое товарищей заболели сыпным тифом, их увезли в больницу. И вот четвертый — Оскар Лещинский — лежит в жару и иронизирует над самим собой:

— Карету мне, карету! Для перевозки сыпнотифозных...

Среди ночи я просыпаюсь от шороха. Мироныч возится у постели больного. Он меняет ему рубашку, промокшую от пота, вытирает его влажный лоб. Он ухаживает за больным, как терпеливая сиделка. И сквозь слипающиеся веки я вижу добрую улыбку Мироныча, его ласковые и заботливые руки.

Через несколько дней эти же руки беспощадно раздавили белогвардейское восстание в Астрахани.

...Когда отгремели орудийные выстрелы и на улицах Астрахани замолкла пулеметная дробь, город услышал железные слова Кирова:

«Белогвардейцы и все враги рабоче-крестьянской власти, дерзнувшие поднять свою подлую руку против пролетарской революции, разбиты», — писал Киров в своем приказе.

«...Вдохновленные золотом английских империалистов, они надеялись захватом Астрахани запереть советскую Волгу, но тяжелая рука революции беспо-

щадно разбила все их планы... После решительного урока, преподанного белым бандам, все сознательные рабочие города Астрахани должны властно сказать: прочь, наглые шкурники, с нашей великой дороги! Не мешайте нам творить великое дело рабочей революции! Все сознательные рабочие, все защитники Советской России должны проявить строгую революционную дисциплину. Этого требует момент. Вслед за призывом — «Смерть шкурникам!» — должен раздаться другой, не менее революционный клич: «Все к станкам! Все за работу!» Помните, что каждая минута безделья есть преступление перед революцией, перед Советской Россией...»

И та же рука, которая несколько дней назад заботливо поправляла подушку больного товарища, дала суровое указание:

«...Наблюдение за внешним революционным порядком в городе Астрахани попрежнему остается в руках Совета обороны города: тт. Бутягина, Антонова и Чугунова, которым вменяется в обязанность самым беспощадным образом расправляться со всеми противящимися установлению порядка. На продолжающиеся выстрелы из домов нужно отвечать уничтожением домов...

Военревком С. Киров»

★ ★ ★

«Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, — устье Волги было, есть и будет советским!»

Так сказал Сергей Миронович. И так было. Спокойная уверенность Кирова не покинула его даже тогда, когда враг взял город в железное кольцо, когда разведка белых появилась в 3—4 верстах от города.

Сергей Миронович решается на смелый шаг, который старому военному специалисту показался бы безумным риском:

— В строжайшей тайне вывести из Астрахани все части. Договориться с Раскольниковым, соединить эти части с матросским отрядом Кожанова, который направляется из Саратова в Астрахань по железной до-

роге. Соединенными силами нанести удар по глубокому тылу противника — на Ганюшкино, — базу белогвардейцев генерала Толстого.

— Другого выхода нет, — говорит Сергей Миронович, меряя шагами свой рабочий кабинет. — Ну, решаемся!

И круто остановившись у стола, он уже торопит с веселым нетерпением:

— Действуй, Юрий! Звони Раскольникову. Уже шесть часов утра, довольно ему спать, — мы не спим.

Через несколько минут точные, короткие приказы Кирова уже летели с нарочными к командирам частей.

...За 90 верст от Астрахани, в степи, выгрузился отряд Кожанова. За 2 дня он сделал изумительный переход, зашел в тыл противника и соединился здесь с астраханской частью, которая в тяжелых боях продвинулась в район Ганюшкина.

Сокрушительный удар, направленный Кировым, попал в сердце врага. Белые были опрокинуты и сброшены в море. Телеграмма, подписанная Кировым и командармом XI армии Бутягиным, несла в Москву радостную весть:

«...В течение 10-дневных боев нами взято свыше 5 тыс. пленных, около 6 тыс. винтовок, 117 офицеров, 128 пулеметов, 23 орудия, 2 миллиона патронов, несколько тысяч снарядов, радиостанция, 6 гидропланов, громадные обозы и пр. Таким образом, враги рабоче-крестьянской России потеряли еще одно звено — астраханское казачество. Передовые части XI армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу».

«Почетным стариком» назвали Кирова в терских аулах. И вот, «почетный старик» снова возвращался на Кавказ — победителем врага, защитником трудового народа.

М. ЕФРЕМОВ
Командир-комиссар XII корпуса

В БОЯХ ПОД РУКОВОДСТВОМ С. М. КИРОВА

Тяжелая обстановка сложилась для Каспийско-Кавказского фронта (тогда XI армия) с конца 1918 г. до весны 1920 г. Астраханские и Кизлярские степи были наводнены врагами советской власти. В самой Астрахани буржуазия поднимала против нас восстание. Сталинград (б. Царицын) был отрезан. Со стороны Уральска к железной дороге Астрахань — Саратов белые нас теснили. Кроме белых войск, в волжских селах действовали бандитские кулацкие отряды.

Эпидемия сыпного тифа косила ряды нашей славной XI армии. Астрахань и окружающие ее селения были забиты тифозными больными.

XI армия была связана с центром лишь единственной железнодорожной магистралью Астрахань—Саратов, которую белые стремились перерезать и этим самым полностью нас окружить.

Сергей Миронович Киров в это время, состоя членом Реввоенсовета армии, был одновременно и предревкома Астраханского края.

Под его руководством я, будучи начальником судоходной охраны и обороны Астраханского края, вел

бои с белыми на Волге, обеспечивал армию продовольственным и военным транспортом, отбитым у генерала Деникина. Обстановка была весьма тяжелой, очень часто приходилось вести бои по нескольку раз в день.

В 1919 г. тов. Киров выдвинул меня на должность начальника обороны дорог XI армии и поставил задачу — сохранить единственную железную дорогу во что бы то ни стало.

Каждый день по телеграфу, иногда даже по нескольку раз в день, тов. Киров интересовался боевой работой начобдорарма, всегда подбадривая меня своей чуткостью, вниманием большого руководителя-большевика. Он особенно был доволен, когда мы под Джанысбеком разбили белогвардейский отряд Попова и не дали ему перерезать железную дорогу.

Белые ежедневно в разных местах производили налеты на железную дорогу, но каждый раз их попытки кончались неудачей. Под впечатлением таких постоянных налетов белых родилась мысль о создании подвижных средств боя.

При очередном посещении боеучастка тов. Кировым, ему были доложены наши соображения о создании подвижных бронированных летучек. Наши бронепоезда представляли собой обычные вагоны, в которых броня просто заменялась мешками с песком. Тов. Киров, выслушав нас внимательно, не только одобрил наш план, но и помог нам соорудить наши доморощенные бронепоезда, прислав немедленно несколько листов брони.

Бронелетучку мы покрасили под цвет настоящего бронепоезда, установили 16 станковых пулеметов, три 76-миллиметровых орудия, 6 ручных пулеметов Льюиса и были весьма горды нашей «техникой».

Вскоре при налете белых на станции Чапчачи и Харабалинскую наш «бронепоезд» отличился — с его помощью разбили и отбросили белых.

Тов. Киров, следивший за каждым нашим шагом, тут же поздравил нас с победой. По его инициативе мы построили в короткий срок три новых «бронепоезда», приспособив на этот раз большие пульмановские вагоны.

Несмотря на слабость технического оборудования наших бронепоездов, они сослужили нам немалую службу.

Здесь мы также во многом обязаны Сергею Мироновичу, его мудрым указаниям и советам. В своих указаниях он всегда подчеркивал исключительную важность подбора личного состава в бронепоезд. Следуя этим указаниям, мы на наших «бронепоездах» имели действительно отборных людей. Именно благодаря этому обстоятельству мы одерживали неизменные успехи в боях.

Белым, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось захватить железную дорогу Астрахань — Саратов.

Немало доблестных подвигов совершили бойцы и командиры, защищая под руководством тов. Кирова Астрахань. Нас вдохновлял друг и руководитель — большевик Киров. Он учил нас личным примером стойкого революционера в борьбе с классовым врагом. Он воспитывал нас непосредственно на фронте, знал каждого из нас.

В конце зимы 1919 г. и начале весны 1920 г. я видел постоянно тов. Кирова в напряженной работе по формированию и по подготовке XI армии к переходу в контрнаступление с задачей разгрома белых.

Работа была весьма тяжелая и напряженная — сыпной тиф, голод, частые контрреволюционные вооруженные вылазки классового врага. Требовалось пополнить армию, поднять перед наступлением силы армии в десятки раз. И это мог сделать и сделал замечательный большевик и руководитель нашей армии Сергей Миронович Киров.

Он быстро сплотил вокруг себя наиболее сильных, способных, преданных пролетарскому делу товарищей.

Реввоенсовет XI армии работал оперативно, благодаря исключительной кировской энергии. Он создал на наших глазах прекрасно сцементированный, работоспособный, руководящий армией, большевистский коллектив. И XI армия была подготовлена для перехода в контрнаступление весной 1920 г.

При этом наступлении армии под руководством С. М. Кирова на меня и моих товарищей выпала ответственная боевая задача — разгромить белых и овладеть г. Баку.

27 апреля 1919 г. части славной XI армии победоносно выполнили эту задачу.

Иван РАХИЛЛО

КИРОВ

— Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить!..

Он хотел жить. Он любил жизнь. Он знал ее.

Быстрота, сообразительность, внимательность к человеку, правдивость, жертвенная преданность революции, светлый ум, отвага и совершенно исключительные природные способности оратора-трибуна — вот качества, определяющие С. М. Кирова как полководца восставшего пролетариата. Он побеждал людей словом. Он усмирял словом вооруженных ингушей и полупьяных матросов. Политические противники боялись его.

Когда он появлялся на трибуне, на сцене, на юте корабля, на подножке вагона, толпа стихала. Серые его глаза темнели, загорались синеватым огнем непримиримости—и откуда-то, из самой души, он доставал простые, убедительные, начиненные динамитом слова — и бил ими, доказывал, негодовал, учил. Он никогда ничего не скрывал и в самые тяжелые времена говорил массе правду. Это был его метод, метод рабочего вождя. Когда деникинцы захватили Царицын, четырежды отбиваемый и павший на пятой атаке, Киров выступил в Астрахани (с сообщением — Р е д.).

Полусожженный город ловцов и портовых рабочих — Астрахань находилась в очень тяжелом положении: оторванность от центра, при отсутствии продовольствия, когда население питалось одной со-

леной рыбой и чилимом, город ожидал белогвардейского восстания. Фронт — в пятнадцати километрах. В калмыцких степях отряды белых, они налетают на селения и даже пригороды Астрахани, вырезая представителей советской власти. И вот выступает Киров. Крепкий, коренастый, он в то время носил небольшую бородку. Поразительно, с какой прямотой Киров говорил о трудностях, создавшихся на фронте и в тылу. Белые могут захватить железную дорогу, единственный путь подвоза продовольствия. Без железной дороги Астрахань не может продержаться буквально ни одного дня.

Но, сообщая самые тревожные сведения, Киров тут же напоминает о наших успехах в борьбе с Колчаком, его слова, заряженные мужеством, наполняют сердца людей уверенностью и боевым оптимизмом.

«Астрахань защищать до конца». Он твердо помнил этот телеграфный призыв Владимира Ильича Ленина.

В начале июля было несколько особенно опасных моментов, но Киров, подкрепляя добровольцами отряды, обороняющие подступы к Астрахани, в это же время вел усиленные формирования новых частей.

К концу месяца положение под Астраханью значительно улучшилось.

Влияние Кирова на бойцов было чрезвычайно сильным, он был прост и доступен в обращении. Он не считался с временем: день — ночь, пожалуйста. У многих товарищей сохранились телеграммы и записки, где он просит: «Вызывайте меня по всем вопросам в любое время». Правда, этим иногда злоупотребляли, но он не сердился. Его редко можно было видеть в штабе, в кабинете за бумагами. Он всегда непосредственно присутствовал в войсках, лично разговаривал с людьми.

Он в совершенстве владел подпольной техникой, передавая свой опыт товарищам, выполняющим ответственные поручения при переходе через фронт, передаче важных директив. Каждого лично он поверял, учил: как вести себя в том или ином случае, как прятать документы, что делать, если их найдут. Он вникал в самые мельчайшие детали. Из его школы выходили преданные революции люди.

Нужно отметить необычайную любовь Сергея Мироновича к военной технике. В сущности, вся техника того времени сводилась к тачанке и пулемету. Но в Астрахани имелись и самолеты. Правда, это были полусгнившие «гробы», «летающие курятники», но сколько Киров вкладывал в это дело души — удивительно! Бегал по заводам, устраивал ремонт, сам доставал бензин. К летчикам он был неравнодушен. Он верил в воздушный флот. Его перелет на Святой Крест по тому времени не был пустяковиной. Его боевые соратники не пускали его:

— Сергей Миронович, не стоит! Слишком большой риск. Мы не можем рисковать.

— Никаких разговоров...

Он был счастлив, когда самолет оторвался от земли. Предполагал ли он тогда, пролетая над голой степью, над песками, в какую грозную силу вырастет наш крошечный воздушный флот?..

Аэропланы противника почти ежедневно появлялись над Астраханью, сбрасывали бомбы, убивали людей, зажигали пожары. Наша «авиация», состоявшая из трех-четырех самолетов устарелых конструкций, сильно изношенных, не могла дать должного отпора противнику, безнаказанно выполнявшему свои задания.

Киров не мог мириться с этим. Он вызывает двух летчиков — Щекина и Короткова, убеждая их вступить с противником в бой. Это было почти безумное предприятие — воздушный бой с превосходящим во всех отношениях врагом. Но Киров умел убеждать. Отважные летчики выполняют поручение: подбивают и заставляют снизиться один из самолетов противника. Летчик и наблюдатель — оба английские офицеры — захвачены в плен.

Успех красных летчиков сразу поднял настроение у осажденных астраханцев и показал, что даже при такой отсталой технике борьба с воздушным противником возможна. Все дело заключалось в людях. А этих людей воспитывал Киров.

Он умел с одного взгляда определять людей, и как умный и тонкий психолог, предприимчиво мог поручить малознакомому человеку ответственное задание.

Посторонние могли это расценивать как излишний риск, но слишком много перенес Киров страданий, борьбы, опасностей подполья, чтобы не развить в себе качеств проникновения в человеческие души.

Летчик Щекин упал в Волгу. От него остался один шлем, пробитый пулей. А на другой день погиб и Коротков. Сергей Миронович очень близко принял гибель молодых авиаторов. Но самое большое горе ему доставила печальная и нелепая смерть летчика Фишера, последнего из авиоотряда. Неудачи с разведкой снова потребовали участия авиации. Опять звонят Кирову: нужен аэроплан.

— Аэроплан есть. Один единственный: «Сопфич», под управлением Фишера. Я его пошлю, но только очень прошу зря не гонять, беречь...

Вот что рассказывает один из очевидцев гибели Фишера:

— Мы ему указали посадку около кладбища. Он летел к нам навстречу со стороны противника. Пролетел над нашей позицией, и то ли нехватило бензину, то ли он не мог по карте разыскать кладбища, он опустился между линией белых и красных. Белые, видя, что самолет красный, начали его обстреливать, наши тоже стали стрелять, предполагая, что это аэроплан противника.

Мироныч вызвал меня к прямому проводу и расспросил о всех подробностях смерти Фишера. И в этих вопросах, в голосе, в тревоге члена Реввоенсовета ощущалась настоящая, большая человеческая скорбь, скорбь по боевом товарище, погибшем на фронте такой смертью...

Сергей Миронович уже тогда изучал и вникал в технику, придавая ей исключительную роль. Расскажем здесь один чрезвычайно интересный эпизод, определяющий ум и смелость тов. Кирова.

На форт Александровский, в Закаспии, занятый белыми, под руководством Кирова был произведен внезапный налет нашей флотилии. Форт захватили врасплох, и настолько стремительно, что радист не успел даже передать сообщение о нападении. Целые сутки радиостанция форта, уже находившегося в наших ру-

ках, работала с Гурьевым, где располагался штаб генерала Толстого, и с Петровском, откуда поступали депеши Деникина для Колчака.

Сергей Миронович лично занимался расшифровкой донесений Деникина Колчаку. В одной из телеграмм он устанавливает маршрут следования по Каспийскому морю деникинского посланца к Колчаку, генерала Гришина-Алмазова. Тов. Киров организовал захват судна, на котором ехал генерал, и вместе с ним письма и документы Деникина.

Исключительной предприимчивостью обладал Киров! У низовьев Волги он руководит сколачиванием разрозненной XI армии, приводит ее в порядок и вместе с нею, во главе ее, участвует в разгроме Деникина и восстановлении советской власти на Северном Кавказе.

Никогда не забыть!.. Театр. Спектакль. Молодые бойцы смотрят пьесу Леонида Андреева. Во время действия на сцену вбегает секретарь партийной организации с бумажкой в руках и взволнованным голосом сообщает:

— Товарищи, победа! Только что получена телеграмма: наши броневики ворвались в Баку!..

Мы тогда еще не знали — кому мы были обязаны той радостью, тем необузданным восторгом, счастьем и гордостью, охватившими всех нас, присутствовавших на спектакле.

★ ★ ★

...И вот он лежит в зимнем саду. Астры. Хризантемы. Южные пальмы. И вождь в простом сером френче скорбно стоит в почетном карауле.

1 декабря 1934 г., ровно в 4 часа 30 мин. Сергей Миронович вышел из своего кабинета в Смольном. На столе остался коробок спичек, карандаши, раскрытая чернильница. Рабочие Путиловского завода прислали ему отрезок рельса, прокат которого был освоен в августе. Рабочие Хибиногорска принесли сюда первые образцы добытых ими минералов. Строительство Володарского моста, гидролизный завод, трест «Лакокраска», Институт охраны труда и многие другие пред-

приятия принесли в эту комнату образцы своих изделий.

Все это было сложено заботливой рукой хозяина на маленьком кабинетном столике и в книжном шкафу.

Его убили в затылок... Рука подлого подонка разбитой оппозиции выполнила свое гнусное дело.

Враги хотели уничтожить его, но Киров получил бессмертие — ибо на далеком севере вырос город-гигант, и он носит имя Кирова; на жарком юге, откуда идут поезда с нефтью — возникли промысла его имени.

Шахты, заводы, полки, эскадрильи, улицы, школы, сады и ясли — все они носят солнечное имя — Киров.

Он любил жизнь. Он живет...

К. МЕХАНОШИН

В ОСАЖДЕННОЙ АСТРАХАНИ

Боевой опыт дореволюционной борьбы, непосредственное участие в вооруженных схватках на Северном Кавказе в 1918 г. — вот тот военный «багаж», с которым Сергей Миронович начал свою большую работу по руководству боевыми операциями на Каспийско-Кавказском фронте.

План обороны Астрахани в летне-осенние месяцы 1919 г. — первый военный план Кирова.

С точки зрения военного искусства Астрахань в то время могла считаться обреченным городом. И вполне понятным было стремление южной и восточной армий контрреволюции сомкнуться в этом месте.

Капиталистический мир уже трубил о близкой гибели советской власти. Все силы Красной армии были сосредоточены на основных фронтах, на подступах к сердцу революции — Москве.

Астрахань не получила подкреплений, мало того — общая обстановка потребовала переброски на другие фронты только что сформированной тов. Кировым 33-й дивизии.

Между тем, о сдаче Астрахани противнику не могло быть и речи. Это открыло бы доступ военному флоту белых. Потеряв Астрахань, мы лишились бы важного форпоста для всех операций в этом районе, потеряли

бы связь через Каспийское море с Азербайджаном, Дагестаном и с повстанческими отрядами Северного Кавказа.

Правда, Троцкий уже готов был сдать город и даже дал директиву об эвакуации Астрахани, но указания Ленина и Сталина были иными — Астрахань во что бы то ни стало нужно было удержать.

На смену взятым на другие фронты частям необходимо было создать новые полки. Но где взять людей, где взять командный состав? Все, что было в Астрахани, пошло на формирование 33-й дивизии. Где взять оружие, снаряжение, обмундирование?

В городе не было топлива, не было продовольствия...

И вот начинается изумительная работа тов. Кирова.

Его глубокое знание людей, умение выявить самых надежных и крепких работников — сразу дало свои результаты. Из младших командиров стали готовиться старшие, старые бойцы заняли командные посты. На заводах, фабриках и мастерских Астрахани скоро был налажен ремонт и производство снаряжения.

А белые банды уже гуляли по Заволжью, разрушали полотно железной дороги и телеграфные линии. Все труднее становилось охранять линию самодельными бронепоездами. Противник все теснее окружал город. Враг накапливает свои силы и в самом городе, тайно подготовляя вооруженное выступление с тыла.

Изнуренные борьбой, голодом и эпидемиями, астраханские рабочие и выздоравливающие бойцы северокавказских армий грудью защищали Астрахань. И защитили!

Непобедимой оказалась Астрахань, потому что организатором ее защиты был Киров, сумевший использовать весь опыт длительной обороны Царицына, понявший суть стратегии Сталина.

И говоря о военных планах Кирова, нужно прежде всего отметить их глубокое политическое содержание. Классовой правдой — этим могучим оружием гражданской войны — Сергей Миронович Киров владел в совершенстве.

Р. РУБЕНОВ

ВСТРЕЧИ С КИРОВЫМ

Воспоминания

Впервые я встретил Кирова в 1919 г. в Астрахани проездом на нелегальную работу в Закавказье. Астрахань была центром обороны большой важности стратегического участка. В Астрахани был также и оперативный центр связи с большевистской организацией в Баку, откуда нелегально доставлялись нефтепродукты для нужд Советской страны.

Киров был душой и организатором обороны на этом ответственном участке. Через него проходили и все те, кто ехал нелегально в Закавказье. Он был организатором всего сложного механизма связи Астрахань—Баку.

Киров произвел впечатление сильного, волевого и умного человека. Он был талантлив и прост, энергичен и обаятелен. Он встретил нас тепло и со знанием мельчайших деталей дела дал нам практические указания, как лучше и с меньшим риском добраться до Баку. Он провожал нас с присущей ему улыбкой.

Второй раз я встретил Кирова в Тифлисе в период легализации нашей партии при господстве меньшевиков в Грузии в 1920 г. Меньшевистская Грузия — этот плацдарм международного империализма — доживала последние дни своего существования. Между Советской Россией и меньшевистской Грузией был заключен

договор, который, в частности, раскрыл двери всех тюрем Грузии. Киров был назначен советским послом в Грузии. Мы, освобожденные из тюрьмы, с нетерпением ждали приезда Кирова. С неменьшим нетерпением ждали его революционные рабочие Тифлиса. Со страхом и трепетом ожидали его приезда все те, кто в продолжение трех лет рисовал советскую власть, как режим нищеты, «социализации женщин» и т. д. И неслучайное первое слово, которое услышали трудящиеся Тифлиса от советского посла Кирова, было посвящено правде о Советском Союзе, разоблачению клеветы против большевиков и советов. Перед зданием советского посольства собралась большая толпа. На балконе появился Киров. Этот коренастый, полный энергии и воли, с обаятельной улыбкой человек отражал в себе энергию, волю и мощь Советской страны. Киров с балкона произнес блестящую речь. Это была огненная речь страстного большевика, речь полная сарказма против меньшевистской клеветы.

— Вот перед вами большевик из Советской страны. Похожи ли мы на то чудовище, о котором здесь в продолжение трех лет неустанно писали и рассказывали?

Нарушив все правила дипломатической этики, наш посол передал пламенный привет пролетариев Советской страны пролетариям и трудящимся Грузии, с которыми русский революционный рабочий был десятилетиями связан братскими узами в борьбе с царизмом. Речь его была первой ласточкой, предвещавшей скорое восстановление братской связи между трудящимися России и Грузии, связи, которую так преступно разорвали агенты империализма — грузинские меньшевики.

Мастер слова, талантливый пролетарский трибун кратко и ясно говорил собравшейся толпе о том, кто такие большевики и за что борется Советская страна. Толпа несколько раз устраивала овации Кирову. Каждое его слово, как острие иглы пронзало дряблое тело меньшевизма. Попытка меньшевистских охранников рассеять толпу не увенчалась успехом. Весть о речи Кирова быстро облетела Тифлис. Меньшевистские власти были встревожены. Печать на следующий день писала злобные статьи о после — демагоге. Зато среди

трудящихся имя Кирова произносилось с любовью, с надеждой на скорую победу. Речь Кирова предвещала революционную бурю, пламя его речи внушало уверенность в борьбе. Скоро растает лед меньшевистской реакции! Победа наступила скоро...

В третий раз я встретил Кирова во Владикавказе, будучи высланным меньшевиками из Грузии в 1920 г.

Жизнь и деятельность Кирова во Владикавказе в дореволюционные годы освещена слабо или почти не освещена. Между тем, журналист Киров, работая в редакции «Терек», принимал долгие годы активное участие в революционной борьбе.

Профессионал-революционер, большевик Киров организует связи, сколачивает передовых людей из местных национальностей (осетины и др.), организует рабочих небольших предприятий г. Владикавказа (мебельная фабрика, пекарни, железнодорожники и др.), организует забастовку в типографии, принимает участие на сходках. Уже в этот период Киров владеет острым пером, уже здесь формируется Киров — оратор, будущий пламенный трибун пролетарской революции.

Один из участников сходки в лесу за городом рассказывает, как просто, понятно для рабочих говорил С. М. Киров.

«К услугам эксплоататоров для собраний и заседаний — клубы, широкие залы, а для рабочих, как видите, медвежьи берлоги!»

Я много слыхал речей Кирова. Они всегда были страстны, образны, популярны и доходили до самой гущи аудитории. Эту черту массового народного оратора мы видим у Кирова еще в дореволюционные годы.

Что революционная работа Кирова была не только во Владикавказе, говорят данные о его встречах с приезжими из Грозного, где в 1912 г. была организована забастовка рабочих.

Активная работа С. М. Кирова во Владикавказе в 1917—1918 гг. богата красочными эпизодами. Возвращается Киров во Владикавказ после Астрахани в 1920 г. В этот период и была моя третья встреча с этим замечательным человеком нашей эпохи. Здесь

мне и другим руководящим работникам владикавказской организации пришлось под непосредственным руководством С. М. Кирова работать в трудных условиях многонациональной Терской области. Гражданская война подходила к концу, враги были разгромлены, остался лишь врангелевский хвост в Крыму. Терская область все еще была наводнена контрреволюцией всех мастей, в горных местах орудовали банды, не разрешены были еще противоречия между горцами (осетины, ингуши, чеченцы, кабардинцы и др.), иногородними и казаками (борьба за землю), нужна была упорная работа по организации советской власти на местах, работа по снабжению рабочих и армии.

Что характерно было в Кирове того периода?

Прекрасный организатор, талантливый трибун, вожак, знающий простой трудовой народ таким, как он есть. Киров хорошо изучил нравы, обычаи, психологию горцев. Он их знал, и они хорошо понимали его. Нельзя было конкретно руководить на Северном Кавказе, не зная горцев, не зная особенностей многих национальностей этого края. Каждый раз, когда в порядке дня стоял тот или иной горский вопрос, Киров решал его с учетом особенностей той или иной национальности. Если нужно было подавлять восстание, он механически не разрешал этот вопрос, он пускал в ход весь сложный механизм связи, влияний, агитации, проявляя исключительную прозорливость, и все это облегчало без больших издержек нанести меткий и жестокий удар по организаторам контрреволюции. Когда нужно организовать поход боевого отряда через непроходимый снежный перевал, Киров не только блестяще организует тех, кто должен пройти этот перевал, но и организует связи с тем горным населением, без помощи которого переход будет трудным или невозможным. Когда нужно организовать в горных местах суд, суд советский, а трудящееся население неспособно еще вырваться из объятий шариата, — и здесь Киров не решает вопрос механически. Он проявляет исключительное умение разговаривать с народом, убеждать, говорить понятно и образно.

21 апреля 1921 г. на учредительном съезде Горской

ССР Киров произносит речь о шариате, тогда наиболее остром вопросе национальной политики. Контрреволюционеры спекулировали на вопросе о шариате, они вели агитацию о том, что советская власть наносит удар по религии. На учредительном съезде были большие дебаты о суде и о шариате. Речь Кирова может служить образцом, как можно по наиболее острому вопросу в условиях, когда трудящиеся массы горцев не изжили еще религиозных предрассудков, — просто, ясно, образно рассказать точку зрения советской власти по обсуждаемому вопросу. И не просто рассказать, но и убедить. Нельзя по шаблону строить работу советского суда в национальных районах. Хотите судиться по шариату — судитесь по шариату. Но судите по шариату в интересах власти трудящихся, бедноты. Киров разоблачает требование: «если дадите шариат, то дайте его целиком и полностью».

«Если суд шариата будет судить Деникина и вместо того, чтобы снять с него голову, станет на его защиту, может ли рабоче-крестьянская власть допустить такой шариат целиком и полностью?»

Чтобы было более понятно, Киров в своей речи ссылается на постановление ингушей, принятое по вопросу о грабежах и разбоях. Что сказали ингуши, трудовой народ? «Судить их судом шариата, но по закону военно-революционного трибунала».

«Если в помещении шариатского суда будет висеть не портрет Ленина, а Николая II, то такое помещение должно быть опечатано при всем нашем уважении к шариату!»

Киров заканчивает речь: «Приступайте к окончательной постройке рабоче-крестьянской власти, в прочности которой не сомневался бы ни один из делегатов, хотя бы он был сторонником шариата».

С. М. Киров был подлинным вождем трудящихся горцев, он их любил, он знал их.

На учредительном горском съезде С. М. Киров так закончил свою речь:

«Каждая светлая точка, каждая светлая звездочка, которую удастся создать на этих снежных вершинах,

будет видна не только в убогих ущельях, но и далеко на Востоке».

Так любил он снежные горы и трудящихся, которые веками жили в убогих ущельях и только при советской власти вышли на столбовую дорогу новой счастливой жизни.

Под его руководством мы впервые практически проходили школу национальной политики нашей партии, школу Ленина и Сталина.

★ ★ ★

Киров упорно работал над воспитанием владикавказских коммунистов и над упорядочением работы советских органов. Он часто выступал на массовых собраниях, и речи его всегда с восторгом слушала аудитория.

Характерно, что в своей речи наиболее остроумно он блистал именно в той части, которая «волновала народ».

Помню как-то я ему сказал, что организация интересуется меньшевистской Грузией в связи с какими-то событиями. Он произнес страстную речь, полную сарказма по адресу «черноокой соседки».

Он ненавидел меньшевиков со всей страстью большевика. Незадолго перед падением меньшевистского режима в Грузии он произнес речь (опубликована 22 января 1921 г. в газете политотдела XI армии «Красный воин»):

«Если мы до сих пор относились к брани и клевете правящих кругов меньшевистской Грузии, как к лаю моськи, то теперь будет своевременно заявить ей, что в своем остервенении они довели политическое положение до того момента, когда говорят, что «тучи сгущаются». Если до сих пор наши представители заверяли Ноя Жордания, что его маленькая земля, пропитанная кахетинским вином, нас ни с какой стороны не интересует, то теперь настало время указать ему, что Кавказ будет могилой не для советской власти, как грозит Ной Жордания, а для него и его сподвижников — царских генералов и жандармских полковников. Если вассалы Антанты пытались рыть на Кавказе нам

могилу, то бездарным и недалеким Жордания и Цаликовым не осуществить эту угрозу. Если в бессильной ярости озверевший Ной Жордания еще имеет возможность лишь одной иссохшей ногой громить грузинских коммунистов, то надо сказать ему, что нам стоит двинуть одним плечом, чтобы они (Жордания и его сподвижники — Р е д.) оказались в той могиле, которую он пророчит нам».

Я слышал эту речь и помню, как реагировала аудитория. «Черноокая соседка» скоро «приняла в свои объятия» советскую власть. Кировский отряд, совершив героический переход, оказал большую помощь повстанцам в Грузии.

Помню, вечером мы шли с Кировым по улице и он обратил внимание на большую толпу около редакции «Коммуниста».

— Что это за толпа? — спросил он. Толпа стояла перед большим плакатом, где были написаны два слова: «Тифлис взят».

— Черноокая приняла нас в свои объятия! — сказал, улыбаясь, Киров.

Он собирался на X съезд партии и высказал свое удовлетворение по поводу успешно проведенной областной партийной конференции. Этой конференции предшествовала большая дискуссия с троцкистской оппозицией по вопросу о профсоюзах. Время было горячее, Сергей Миронович почти ежедневно давал нам конкретные указания, спрашивал нас о настроении каждой ячейки и в особенности о партийной организации в армии, где орудовала группа троцкистов во главе с начальником политотдела армии Авяканом. В этот период Киров выступал на большом количестве собраний. И там, где он появлялся, троцкисты были в жалком положении.

Под руководством Кирова были разбиты троцкисты и сторонники рабочей оппозиции. Во всей организации они собрали несколько голосов. Партийная конференция прошла под знаком победы сторонников Ленина и в соответствии с этим была избрана делегация на X съезд партии.

В этой борьбе Киров со всей энергией и страстью защищал ленинскую позицию. Лично он выступал на многочисленных собраниях.

Впоследствии и в Закавказье и в Москве часто приходилось видеть Кирова. Он очень любил бакинских пролетариев и Баку. Он с горечью расставался с Баку и не без радости ехал в Ленинград. Здесь он показал блеск своей организаторской работы, здесь он по заслугам поднялся на вышку руководства партией. Здесь же от руки врагов и злодеев оборвалась прекрасная жизнь выдающегося пролетарского революционера. Погиб один из верных и преданных соратников великого Сталина, талантливый организатор, пламенный трибун и прекрасный человек.

Л. БЕРИЯ

ПЛАМЕННЫЙ БОЕЦ

В дни, когда исполняется годовщина злодейского убийства крупнейшего деятеля нашей партии, ближайшего друга и соратника тов. Сталина, пламенного и вдохновенного трибуна пролетарской революции — Сергея Мироновича Кирова, в эти дни память невольно обращается к героическому прошлому нашей страны, в пламени революции ковавшей сегодняшнюю светлую жизнь.

Славное имя Кирова, убитого рукой последыша контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции, навсегда вписано в историю борьбы за социализм.

В 1919 г. Северный Кавказ пылал в огне гражданской войны. Широкая полоса фронта шла от Черного моря через весь Северный Кавказ, подходила к Волге у Астрахани и тянулась дальше на Урал. Красная Астрахань отделяла Деникина от Колчака, мешала им соединить свои силы. В то же время Астрахань была единственным пунктом, через который шли связи Советской Росссии с Закавказьем.

Англо-французский флот держал в своих руках Черное море, Деникин хозяйничал на Тереке и Северном Кавказе, англо-эсеры — в Закаспии. Закавказье было отрезано от Советской России, и закавказские большевики — большевики Грузии, Армении и Азербайд-

жана — налаживали связи с Баку, а оттуда, в условиях строжайшей конспирации и смертельной опасности, — с Астраханью, где блестяще организовывал и вел борьбу со всеми врагами Советской России Сергей Миронович Киров.

Б Баку в это время (февраль 1919 г.), вырвавшись из кровавых лап закаспийских англо-эсеров, приехал тов. Микоян, ставший во главе бакинской большевистской организации.

Особо важное значение Астрахани заключалось в том, что именно по этой линии, и только по этой линии, была возможность доставлять в Советскую Россию бакинскую нефть.

А нефть была нужна дозарезу. 80 млн. пудов нефти, отправленной в 1918 г. бакинскими большевиками, сыграли громадную роль в борьбе Красной армии. Но этого количества было недостаточно. Топливные ресурсы Советской России в 1919 г. были чрезвычайно малы. Нефти нехватало. Донбасс наполовину был занят белыми.

Ленин и Сталин остро ставили вопрос о получении нефти для Советской России, для нужд Красной армии. Необходимо было все стремления направить к быстрейшему получению нефти.

Ставя перед собой задачу отвоевания Петровска и Баку, Сергей Миронович одновременно делал все возможное для получения из Баку нефтепродуктов, в первую очередь бензина и смазочных масел.

Муссаватская бакинская радиостанция находилась тогда фактически в руках большевиков, имевших на ней своих людей. Это давало возможность Кирову часто связываться с Баку и с бакинским большевистским подпольем.

Бакинские большевики в мае 1919 г. организовали борьбу широких масс бакинских пролетариев под лозунгами: «Товарообмен с Астраханью», «Вывоз нефти в Россию». Борьба началась майской стачкой бакинских рабочих. Неудача стачки, окончившейся арестом стачечного комитета во главе с тов. Микояном, заставила принять иные меры доставки нефтепродуктов на север.

С огромным риском Кировым была налажена транспортировка бензина из Баку в Астрахань на «киржимах», простых туркменских лодках. Летом и осенью 1919 г. Киров в Астрахани создал целую флотилию в несколько десятков лодок. Это было рискованное предприятие, полное смертельной опасности. Для этого были нужны люди, беззаветно преданные партии и советской власти. Киров лично отбирал для этих морских экспедиций надежнейших, решительных людей. Нефтепродукты прибывали на лодках в незначительных количествах, но в общей сложности было переброшено свыше 20 тыс. пудов. Этого было достаточно для оживления астраханской эскадрильи самолетов и автотранспорта и для поддержания борьбы красных частей на Каспийском побережье.

В октябре 1919 г. Деникину удалось продвинуться на север, захватив Воронеж и Орел.

В это же время на Каспийском побережье — в Дагестане — ширилось организованное Кировым восстание горцев против добровольческой армии. Киров с огромной настойчивостью, исключительным упорством и уменьем готовил это восстание, с одной стороны, в интересах продвижения на юг, к Баку, с другой, — чтобы облегчить разгром Деникина на линии Орел — Ростов.

Наступали дни решающих боев и решающих побед. 28 апреля победоносная Красная армия вступила в Баку. В Баку прибыли тт. Орджоникидзе, Киров и Микоян.

5 мая 1920 г. Киров выступил на первой легальной конференции бакинской организации АКП(б) с докладом на тему: «Текущий момент».

«Мы положим здесь начало, — говорил Киров, — великому объединению народов цивилизованной Европы и так называемого отсталого, некультурного Востока».

В этой же речи Киров поставил во весь рост вопрос о борьбе за нефть, о роли и значении этой «живительной влаги» для укрепления «рабоче-крестьянского отечества».

«Если теперь по всем артериям побежит живительная влага, то в ближайшие месяцы движение будет совершаться гораздо быстрее, гораздо энергичнее. В этом главный залог восстановления хозяйственной жизни России».

Первый этап борьбы Кирова за нефть был закончен. Наступил новый период, период упорной работы Кирова за восстановление разрушенного нефтяного хозяйства.

Этот период непосредственно связан с деятельностью Кирова как руководителя ЦК азербайджанской коммунистической партии.

1921 год. Гражданская война окончена. Страна советов деятельно приступила к залечиванию нанесенных войной ран, к мирному строительству, восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Если нужда в нефти и нефтепродуктах резко чувствовалась в период военных действий, то после окончания их эта нужда стала еще острей.

Нефтяной Баку был в наших руках, но нефтяная промышленность была вконец разрушена. В сущности говоря, надо было начинать работать сызнова. Надо было вводить новые способы бурения и эксплоатации на основе высоко развитой американской техники. Надо было выбросить желонку, заменить тартание глубоким насосом и компрессором, вместо нефтемотора применить электромотор и вести бурение не допотопным ударным станком, а быстроработающим — вращательным.

Так ставили вопрос наша партия и правительство, и именно это стал делать Сергей Миронович Киров со свойственными ему настойчивостью и энергией. Не только многие нефтяники из инженерно-технического персонала, но и отдельные специалисты-хозяйственники и даже коммунисты не понимали необходимости реконструкции Азнефти.

Кирову пришлось бороться со скрытым и явным саботажем этих отсталых, консервативных элементов, действуя то методами принуждения, то мерами убеждения.

И только изумительному упорству, большевистской настойчивости Кирова, его организаторскому таланту мы обязаны тем, что первый этап реконструкции нефтяной промышленности Азербайджана был блестяще завершен.

В последний год работы Кирова в Баку (1925 г.) нефтяная промышленность дала Стране советов свыше 4600 тыс. тонн нефти.

Это была большая победа бакинских большевиков, бакинских нефтяников!

Энергия и работоспособность Кирова были изумительны, авторитет его непреложен. Одного появления Кирова на промыслах, краткого убедительного разговора с рабочими было достаточно, чтобы работа пошла лучше, быстрее, организованнее.

Ставя перед собой как основную задачу реконструкцию нефтяной промышленности, Киров не забывал всей суммы других задач, стоявших перед советским Азербайджаном, перед всем советским Закавказьем.

Азербайджанская деревня привлекала его пристальное внимание.

Еще в мае 1920 г., выступая на бакинской партийной конференции, Киров четко, с политической прозорливостью наметил программу работы партийных организаций и органов советской власти в азербайджанской деревне:

«... произвести первый решительный удар по беко-ханскому строю. Декрет о передаче всех земель трудовому народу без всякого выкупа — лишь первый удар по беко-ханскому строю. Здесь именно нам, коммунистам, нужно развить как можно больше сил, сделать это шире, полнее.

Следующий удар должен быть также революционным ударом по капитализму. Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой всех западноевропейских стран, над всем этим должен быть поставлен определенный рабоче-крестьянский, советский, коммунистический знак...»

Киров многое сделал в области превращения Азербайджана во вторую хлопковую базу Советского Союза.

Многое сделано Кировым и в области выращивания национальных тюркских кадров. Сотни тюркских работников, работающих ныне в Азербайджане, с полным правом могут считать себя учениками и выдвиженцами Сергея Мироновича.

Сложная национальная и политическая обстановка Закавказья была хорошо известна Кирову. Он знал и любил Закавказье.

Летом 1920 г. Киров был полномочным представителем РСФСР в меньшевистской Грузии и Тифлисе. Здесь он был подлинным представителем Страны советов, представителем Ленина—Сталина, фактически руководя большевистскими организациями Грузии.

В 1921—1922 гг., когда встал вопрос о создании федерации трех республик Закавказья — Грузии, Армении, Азербайджана, — Киров вместе с Серго Орджоникидзе, руководившим тогда партийными организациями Закавказья, энергично борется за реализацию идеи Ленина—Сталина. В пламенных, проникнутых железной логикой речах Киров беспощадно громил грузинских, тюркских и армянских уклонистов, пытавшихся противодействовать созданию ЗСФСР.

Уклонисты, троцкисты, все те, кто пытался внутри партии бороться против генеральной линии ЦК ВКП(б), все те, кто намеревался подрывать нерушимые устои нашей партии, находили в Кирове своего смертельного врага, прекрасно умевшего разоблачать их проделки и махинации и беспощадно их бить.

Именно поэтому в 1925 г., когда под непосредственным руководством великого Сталина партия громила троцкистско-зиновьевскую оппозицию, Киров по решению ЦК ВКП(б) переводится на ответственный в то время участок работы — в Ленинград руководителем ленинградских большевиков.

★ ★ ★

Перебирая в памяти годы борьбы и работы Сергея Мироновича Кирова, вновь воссоздаешь его незабываемый образ твердого, непреклонного большевика-ленинца, замечательного организатора, пламенного

народного трибуна, сочетавшего в себе таланты прозорливого политического руководителя и одновременно крупнейшего подлинно большевистского хозяйственника.

Киров был полон жизни и любил жизнь, представляя себе ее, как борьбу за победу социалистической революции, за торжество идей коммунизма.

А. П. СЕРЕБРОВСКИЙ

ТЫ С НАМИ, КИРОВ!

Вот уж год, как нет Сергея Мироновича, год, как перестало биться горячее большевистское сердце. И все не верится, все кажется, что мы еще много, много раз увидим милое лицо, веселую улыбку, услышим речь прекрасного оратора, истинного народного трибуна.

Он был изумительным организатором и человеком, чья работоспособность казалась неисчерпаемой. Лишь только красные войска, руководимые Орджоникидзе и Тухачевским, ворвались в Баку, Киров немедленно взялся за вывоз нефти в Астрахань. Он не терял ни одного дня, ни одного часа, когда нужно было выполнить приказ правительства, возлагавший ответственность за перевозки нефти на XI армию. В порту наливали суда, и Сергей Миронович неутомимо контролировал эту важную работу. Эта нефть была первой советской нефтью, которая привела в движение пароходы на Волге и дала жизнь многим нашим фабрикам и заводам.

Вскоре Киров покинул Баку. Партия перебросила его на другие ответственные участки. Он вернулся к нам снова в Баку в 1921 г.

Положение бакинских промыслов в те времена было очень тяжелым. Вывоз нефти наладили мы быстро и неплохо, но добыча? Многие промыслы бездействовали. Вода заливала скважины. Мы еще не умели пе-

рекрывать водоносные горизонты, как это умели делать американцы. Работавшие скважины были малопроизводительны. И что в самом деле можно было требовать от инженеров и рабочих, когда у нас не было насосов и всюду царствовала азиатская желонка? И в других отношениях дела были скверными. Жилища промысловых рабочих окончательно пришли в негодное состояние. Не было средств и материалов даже на элементарный ремонт. Продовольственное снабжение оставляло желать много лучшего.

Вопрос встал ребром: как вытащить Баку в кратчайший срок из разрухи. Бакинцы послали Ленину доклад о положении дел на промыслах. Этот доклад отвез в Москву лично тов. Серго и обсуждался он в ЦК весной 1921 г. На совещании, которым руководил Ильич, конкурировало много проектов восстановления нефтяной промышленности, в частности концессионный проект Красина. Вопрос очень горячо дебатировался. Выступил тов. Сталин, который предложил не отдавать концессионерам нефтяные участки. Самое лучшее — заключить с иностранцами договор о технической помощи и передать иностранным фирмам в подрядном порядке некоторые участки на бурение скважин. Нужно сейчас же связаться с крупнейшими фирмами, по преимуществу американскими, и заключить договоры на продажу нефтяных продуктов и параллельные договоры на поставку нам оборудования.

Тов. Орджоникидзе, который тогда возглавлял напряженную борьбу бакинцев за нефть, также был сторонником предложения, внесенного Сталиным. Ленин убедился, что все преимущества на стороне предложения тов. Сталина. В результате совещание поручило Сталину руководить всеми вопросами, связанными с бакинской нефтяной промышленностью. Сталин был назначен председателем особой правительственной комиссии.

Комиссия, изучив на месте бакинские дела, вернулась осенью 1921 г. в Москву. Приезжал сюда и тов. Сталин для детального ознакомления с нашими делами. После этого Ленин снова поставил в ЦК вопрос о нефтяной промышленности. Окончательное решение полностью

отражало точку зрения Сталина — перейти на вращательное бурение и поставить глубокие насосы, одним словом, ориентироваться на американскую технику. Бакинцам предоставлялась возможность выхода на внешний рынок для продажи нефти и закупки оборудования, необходимого промыслам. Кроме того решили послать в Баку Кирова, который должен был стать организатором подъема нефтяной промышленности.

Я очень хорошо помню день вторичного приезда Кирова в Баку. Сергей Миронович начал с того, что явился к нам в Азнефть и сказал, что ему нужно ознакомиться со всеми материалами. Еще не вступая в обязанности секретаря Азербайджанского ЦК, он объехал все промыслы. Он потратил неделю на беседы с инженерами и рабочими, удивляя всех той быстротой, с которой он осваивал нефтяную технику.

Должно быть в этом ему сильно помогло знание механики, которую он изучал в Казанском механико-техническом училище. Вот почему он легко и точно решал вопросы механизации промыслов, вот почему он отлично понял значение вращательного бурения и глубоких насосов для Баку и сделался горячим сторонником всех этих технических новшеств.

Из некоторых моих бесед с Лениным, из писем, которые часто получал Киров из Москвы, я увидел, каким огромным доверием пользовался он у Владимира Ильича и у тов. Сталина. Как я уже говорил, тов. Сталин руководил тогда всей нефтяной политикой, будучи председателем особой комиссии. Сергей Миронович работал с ним в тесном контакте. Все предложения и требования Кирова быстро принимались и удовлетворялись в Москве.

Итак, Азнефти предоставили большую свободу действий. Мы начали с продажи нефти за границу: в Персию и Турцию. Внешняя торговля нефтью требует большого опыта и осмотрительности. И Киров оказал нам в этом деле своим огромным практическим умом и тонким тактом огромную помощь. Благодаря ему нам удалось свободно торговать в Персии и Константинополе бензином, маслом и керосином в обмен на

рис и другие продукты. Потом мы проникли и на европейские рынки.

Киров проверял каждый наш шаг. Он всегда знал, что и когда отправлено за границу. Он тщательно следил за тем, чтобы во-время доставлялись импортное оборудование, одежда, обувь и продовольствие для рабочих. Нечего греха таить: иногда, толкаемые обстоятельствами, мы «партизанили», захватывали что-нибудь лишнее. Но Киров, зная нужду промыслов, всегда выручал нас.

В сентябре 1922 г. под личным руководством тов. Сталина и при активном участии тт. Серго и Кирова был окончательно решен вопрос о заключении договора с филиалом известной американской фирмы «Стандарт Ойль». (Этот договор затем подтвердил Совнарком.) Американцы обязались дать нам станки для бурения, насосы и трубы. Азнефть же должна была снабжать американцев водой, глиной, цементом и лесом.

Договор этот по существу был первым договором о технической помощи, который заключила Страна советов с иностранной фирмой. Мы включили в бригады, обслуживавшие предоставленные американцам во временную эксплоатацию участки, наших рабочих и мастеров и обучали их, таким образом, лучшим способам работы.

Модернизация промысловой техники оказалась очень тяжелой задачей. Многие инженеры и геологи, настроенные консервативно, возражали против перехода на американские методы. Они говорили, что для Баку вращательное бурение не подходит. Ничего путного из этой затеи, мол, не получится: в бакинской почве много трещин, и растворы будут в них уходить, а инструменты поломаются... Надо было изменять психологию людей, учить их. И здесь Киров показал себя снова блестящим организатором. Он вместе с тов. Серго помог нам преодолеть эти гнилые настроения инженерства.

Шли дни, месяцы, годы. Промыслы Баку начали быстро подниматься на ноги. Нефть обильной струей потекла на Волгу и за границу. Пришла пора искать, бурить и осваивать новые участки. И здесь мы встрети-

лись еще с одной трудностью. Геологи, не только бакинские, но и приехавшие из Москвы, сомневались в надежности недр Азербайджана. Люди оперировали цифрами, по которым, если им верить, выходило, что нефть на существующих промыслах на исходе, а в других районах Азербайджана ее нет. Правда, среди геологов были и горячие оптимисты, убежденные сторонники возможного развития нефтяной промышленности в Баку. Но таких геологов было меньшинство. На оптимистических позициях твердо стоял Иван Михайлович Губкин, с мнением которого Киров и тов. Орджоникидзе очень считались.

Я вспоминаю в связи с этим один замечательный эпизод. Мы решили пойти за нефтью в море: засыпать и бурить Биби-Эйбатскую бухту. По тем временам это было смелым предприятием. Для создания промысла на море оказалось необходимым привлечь инженера Потоцкого — человека, откровенно враждебного большевикам.

Потоцкий знал, где надо искать в бухте нефть, но отказывался с нами работать. И вот Киров встретился с Потоцким и так сумел на него повлиять, что этот инженер сделался впоследствии самым преданным для советской власти работником.

Киров, взвесив все шансы «за и против», повел нас на атаку моря. Но мы начали бурение в несколько ошибочном направлении и долго не могли найти нефть. Представители контрольных органов в Баку, считая попытку добычи нефти в бухте преступной авантюрой, сообщили об этом в Центральную контрольную комиссию. Нам категорически приказали прекратить работы в бухте.

Как быть? Сергей Миронович велит мне ехать в Москву — добиться отмены запрещения, а пока... бурить.

Баринов день и ночь сидел на Биби-Эйбате. Сергей Миронович заботливо наведывался и ободрял работников. А я в это время сражался в Москве за честь Биби-Эйбата. Все казалось безнадежным. «Нельзя», — и весь тут разговор! Но в самую последную минуту я получил радостную телеграмму от Кирова: «На Биби-Эйбате забил фонтан!»

Всем понятно, что запрещение немедленно сняли. Биби-Эйбатский промысел дал с тех пор много нефти. Бухта сыграла большую роль в росте нефтяной промышленности Азербайджана. И этим мы обязаны настойчивости Кирова и той поддержке, которую ему всегда оказывали тт. Сталин и Орджоникидзе.

Я хорошо знал Кирова не только на работе. Будучи его соседом, — мы жили рядом, — я имел возможность наблюдать Кирова в самых различных условиях. Искренний товарищ и друг, человек неукротимой энергии, он умел ободрить нас в самое тяжелое время.

Всегда в критический момент Киров был на промыслах. В 1924 г. на Биби-Эйбатском промысле произошел грандиозный пожар. Стихия разбушевалась, и потребовались героические усилия, чтобы ликвидировать катастрофу. Киров участвовал в борьбе с огнем. Было время, когда меньшевики и эсеры пытались поджигать промыслы. Было поймано с поличным несколько диверсантов, но обстановка продолжала оставаться очень напряженной. На промыслах усилили охрану. Днем и ночью Киров с тт. Берия и Багировым объезжали промыслы, контролируя бдительность людей.

И в одну из таких тревожных ночей на Сураханах арестовали сторожа: его поведение показалось подозрительным. Управляющий промыслом — инженер — рано утром явился к Сергею Мироновичу, который только успел лечь спать. Сергей Миронович, измученный напряженной ночной работой, принял инженера. Оказывается, речь идет о стороже, в невинности которого инженер твердо убежден. Киров тут же по телефону попросил освободить сторожа из-под ареста. Я присутствовал при этом разговоре и думал, что Мироныч пойдет теперь спать. Но он, посмотрев на часы, оделся и опять поехал на работу.

Баку в те годы представлял собой сложный узел. Нужны были большой такт, тонкое большевистское чутье, чтобы безошибочно на практике осуществлять ленинско-сталинскую линию национальной политики. И Киров, опираясь на теснейший контакт с Серго, великолепно справлялся с этой задачей. Для многих, читающих эти строки, будет новостью следующий факт:

промыслы ощущали большую нужду в рабочих, и мы, с разрешения Орджоникидзе, вывезли в Баку из константинопольских лагерей 8000 врангелевцев, пожелавших вернуться на родину. Это была на редкость трудная политическая операция. Малейший промах был чреват большими неприятностями. Но Киров совместно с Орджоникидзе безукоризненно подготовил почву для «перековки» реэмигрантов.

★ ★ ★

Киров! Это имя вызывало ненависть у врагов. Киров! Это имя с глубочайшим уважением произносили люди, преданные делу революции.

И теперь, когда в далекой суровой Якутии, в сибирской тайге, в горах Урала и Алтая мы ищем золото и платину, ищем и долго не находим, когда в сердца самых смелых разведчиков закрадываются сомнения, — тогда встает перед глазами энергичный, неунывающий Мироныч. Тогда память говорит нам: «Вспомни Биби-Эйбат!»

И мы снова ночами проверяем расчеты, карты и планшеты, а утром идем в забой, грызем мерзлоту и камень бурами, взрываем динамит и находим золото, находим платину.

Так было на Алдане. Так нашли после упорных поисков богатую Воронцовскую жилу на Северном Урале. Так мы отыскали золото в степях Джетыгары, и рудник был назван именем нашего незабвенного Мироныча.

Бдительность и еще раз бдительность! Давайте охранять наших руководителей и всех людей революции. Великий, мудрый вождь всего нашего народа, Сталин! Это о тебе поют горняки золотых приисков Казакстана:

«Пусть солнце всегда над тобой,
Пусть радость всегда с тобой.
Ты себя для нас береги,
Наш любимый, вечно живи!»

М. БАРИНОВ

ПРОЛЕТАРСКИЙ ТРИБУН

Добившись восстановления бакинской нефтяной промышленности, Сергей Миронович поставил перед нами цель — догнать Америку. Отсюда начинается блестящее руководство Кирова коренной реконструкцией нефтяной промышленности. Упорно, настойчиво, горячо вел Сергей Миронович эту огромную работу, давшую быстрые и прекрасные результаты. Он руководил, направлял, вдохновлял. Каким страстным поклонником технического прогресса он был! Как он старался насаждать новые изобретения, внедрять на промыслах новые машины и станки! И его энтузиазм, его вера в технические достижения, в новые машины, станки, агрегаты передавались хозяйственникам, партийным, профсоюзным работникам и всем рабочим. Его настойчивость, упорство и твердость победили косность старых специалистов, и допотопная желонка уступила место глубокому насосу. Сергей Миронович внимательно следил за тем, как работают глубокие насосы в разных районах, какие результаты они дают, как прививаются и осваиваются.

Когда зашла речь о замене ударного бурения более экономичным и быстрым — вращательным, нашлись поклонники ударного бурения, ни за что не желавшие с ним расстаться. И Сергей Миронович заставил вво-

дить вращательное бурение, доказывая все его преимущества.

Будучи техником, Киров прекрасно разбирался в технических вопросах и подолгу беседовал со специалистами, расспрашивая подробно о технических преимуществах одного оборудования перед другим. Сергей Миронович всегда вникал в суть дела и давал совершенно конкретные, точные, практические указания. Когда первые трудности были преодолены и начинался подъем, он поставил вопрос об освоении новых нефтеносных площадей.

Сергей Миронович горячо любил бакинских пролетариев, и они отвечали ему такой же горячей любовью. Очень часто он появлялся в квартирах рабочих, самым подробным образом расспрашивал о работе, о жизни, о семейном положении. Рабочие знали эту небольшую, коренастую фигуру — летом в простой рубахе, зимой в легком пальтишке, в неизменной кепке, с портфелем подмышкой. Рабочие знали своего Мироныча не только как большого человека, секретаря ЦК АКП(б), но и как прекрасного товарища и друга, живо откликающегося на все рабочие нужды. Знали, что Мироныч не только умеет требовать и страстно бороться с лодырями и прогульщиками, но умеет и отдохнуть, пошутить весело, задорно посмеяться и запросто со старыми рабочими, такими же страстными охотниками, поехать на охоту за утками, кабанами и т. д.

А как любили рабочие слушать живые, острые, всегда насыщенные ненавистью к классовому врагу, к изменникам партии, ко всякого рода уклонистам речи и доклады Сергея Мироновича! Об этих докладах знали заранее, к ним готовились, как к большим торжественным праздникам, и на его докладах не было свободного места, все было переуплотнено доотказа, и все, затаив дыхание, слушали Сергея Мироновича. Вот Мироныч начинает свой доклад, говорит внятно, четко, просто и понятно. Потом вдруг, как бы мимоходом, скажет свое изумительное, кировское крылатое словечко, полное яда и сарказма, полное жгучей издевки над врагом, и весь зал грохочет от смеха и разражается бурей аплодисментов. А он, серьезный, дает

успокоиться этому взрыву и снова продолжает. Он тепло говорит о нашей великой стране, о наших очередных победах на фронтах внешней и внутренней политики, о нашем великом, любимом Ильиче, и весь зал встает и разражается новым бурным взрывом аплодисментов. И опять течет такая горячая, страстная, волнующая, покоряющая речь, что хочется слушать ее без конца. А Мироныч уже заканчивает, голос его повышается, сам он весь как-то светлее становится, выше, и вот он поднимает руки и голосом, полным страсти и незабываемого, какого-то необыкновенного вдохновения, голосом, полным огня и веры в торжество социализма, заканчивает призывом к жизни, к борьбе за священное большевистское красное знамя, обагренное кровью лучших сынов рабочего класса, призывом к борьбе за мировую революцию. И когда волнующим, страстным аккордом звучат эти последние призывные слова, весь зал буквально перестает дышать. Когда же раздается последнее слово, зал молчит в каком-то оцепенении, а затем происходит что-то непостижимое. Все встают в одном общем порыве, готовые по первому зову своего вождя пойти на какие-угодно жертвы ради торжества того дела, страстным борцом которого являлся Сергей Миронович Киров.

Прошел год, как не стало нашего родного, любимого, близкого и дорогого Мироныча. Пуля подлого убийцы приостановила биение большого, горячего, до краев наполненного любовью к партии, к рабочему классу кировского сердца. Перестала мыслить чудесная кировская голова, навеки закрылись эти изумительные уста и навеки застыла дорогая, несравненная кировская улыбка.

«Эти негодяи, эти разгромленные враги революции за свое поражение отомстили нам тем, что вырвали из наших рядов одного из лучших, одного из любимейших наших товарищей — тов. Кирова, но большевистские ряды не дрогнули» (С. Орджоникидзе). На предательский выстрел наших злейших врагов пролетарии и колхозники ответили невиданным подъемом политической активности, трудового энтузиазма на полях и заводах.

Дело, за которое он боролся, дело коммунизма в течение года после смерти Кирова одержало новые блестящие победы. Под руководством нашего великого вождя — любимого Сталина несокрушимая крепость социализма — Советская страна — пышно расцветает, гигантски шагая вперед, к коммунизму.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. А. Жданов. Пусть память о Кирове живет столетия. („Лен. правда" от 3 декабря 1935 г.) 3

Образ его будет жить столетия. („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 10

Вильгельм Пик. Пламенный интернационалист. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 14

Ем. Ярославский. Памяти великого трибуна. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 17

М. Тухачевский. Друг Красной армии. („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 23

П. И. Стручпе. Кировский завет. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 26

И. И. Алексеев. Товарищ Киров. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 29

П. Смородин. Великий друг рабочих. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 34

М. Освенский. Многогранный Киров. („За Индустриализацию" от 1 декабря 1935 г.) 38

С. Соболев. Знаменосец ленинизма. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 42

Петр Алексеев. Первые, самые главные позиции. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 46

А. Иванов. „Здесь будем строить город". („За Индустриализацию" от 1 декабря 1935 г.) 50

А. Гришин. „Трепещите, враги народа!" („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 53

Стр.

Н. Сметанин, Н. Ковалевский, М. Лодчинов. Мы воспитаны Кировым. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 56
Б. П. Позерн. Жизнь большевика. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 58
П. Жаков. Мужество. („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 69
Б. Шумяцкий. Закалка. („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 73
Ю. Бутягин. Облик героя. („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 78
М. Ефремов. В боях под руководством С. М. Кирова. („Красная звезда" от 1 декабря 1935 г.) . . . 84
Иван Рахилло. Киров. („Красная звезда" от 1 декабря 1935 г.) 88
К. Механошин. В осажденной Астрахани. („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 94
Р. Рубенов. Встречи с Кировым. („Лен. правда" от 1 декабря 1935 г.) 96
Л. Берия. Пламенный боец. („Правда" от 1 декабря 1935 г.) 104
А. П. Серебровский. Ты с нами, Киров! („За Индустриализацию" от 1 декабря 1935 г.) 111
М. Баринов. Пролетарский трибун. („Известия ЦИК СССР" от 1 декабря 1935 г.) 118

Наблюдал за изданием
редактор А. НЕКРАШЕВИЧ
Техн. редактор П. ФРУМКИН
Корректор Н. НЕКРАСОВ

Сдано в набор 5/XII—35 г. Подписано к печати 10/XII—35 г. Формат книги 82×110 1/32. Объем 7 3/4 печ. листов. Тираж 20 тыс. Леноблиздат № 153. Ленгорлит № 30179. Заказ № 4167.
Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

ЦЕНА 2 РУБ.